

Annotation

После загадочного покушения, Лиза очнулась в больнице, полностью потеряв память. Лишь два слова связывают ее с прошлым. Два слова, которые к настоящему не имеют никакого отношения.

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 1

Голоса прорывались словно через толстенное ватное одеяло, и через такое же одеяло просачивалась боль. Капля по капле, она заполняла меня, грозя захлестнуть и опять уволочь в беспамятство. Мутные, невнятные слова постепенно складывались во вполне себе понятные фразы: «это бесполезно», «вы напрасно тратите силы»,

«Владимир Викентьевич, прекратите же!».

Боль стала совершенно невыносимой, и я застонала, попыталась приоткрыть глаза, услышала радостное: «Ну вот, я же говорил, не уйдет»

и потеряла сознание.

Очнулась я, боли больше не чувствуя, но ощущая такую слабость, что даже приподнять руку не было сил. Что там рука – глаза приоткрылись с трудом. Приоткрылись, чтобы увидеть беленый потолок с трещинами и лампочкой, просто болтающейся на проводе.

Забавно, но это не казалось неправильным. Большая пузатая лампочка выглядела старинной. Может, владельцы дома увлекаются историей? Ретро-стиль или этот, как его? – лофт. Название казалась чужеродным для этого потолка, и все же я обрадовалась, что вообще его вспомнила: в голове была вязкая каша, которая никак не хотела оформляться в приличные мысли. Только ухватишь одну за хвост – а она, как ящерица, оставила этот хвост противнику и нырнула вглубь. Так что лофт – это однозначно победа. Приободренная успехом, я почувствовала

прилив сил и смогла повернуть голову.

Взгляд уткнулся в тумбочку, криво покрашенную в белый цвет. Настолько криво не красила даже Светка. Светка? Вспыхнувшее было имя тут же потускнело, не показав ни одного лица, с которым я могла бы его связать.

Скрипнула дверь, и раздалась тяжелая, уверенная поступь

человека, который зашел не просто так, а по делу. Когда в поле моего зрения возник силуэт, я перевела взгляд с тумбочки на пришедшего. Серое платье (мышинного цвета, как услужливо подсказала память) почти полностью прикрывалось белым передником с неаккуратно нашитым на нем красным крестом. На голове вошедшей медсестры (а кто это мог быть, кроме нее?) была повязана белая же косынка, из-под

которой кокетливо высывались завитки, тронутые сединой. Почему-то в голову пришли мысли об исторической постановке, поскольку в моем представлении медсестра должна выглядеть по-другому. Как? Я чуть наморщила лоб, но потом отмахнулась от ненужных мыслей. Понятия не имею как, главное — по-другому, а не так, что в голову приходит театр и актриса, играющая то королеву, то медсестру. Во всяком случае, осанка у вошедшей была точно королевской.

— Очнулись, Лизонька?

— Я...

В горле словно прошлись комком колючей проволоки, говорить с таким оказалось совершенно невозможно, единственное выдавленное короткое слово было больше похоже на хрип умирающего, чем на попытку ответить. Впрочем, медсестра поняла мое затруднение, взяла с тумбочки пузатый заварочный чайник, приподняла мне голову, и из носика чайника в мой рот полилась восхитительная влага. Впрочем, нет, не чайника: крышки на нем не было, а верхняя дырка было ровно половиной той, что должна быть у нормального чайника. Поильник, вспомнила я. Это называется поильник.

— Так лучше, Лизонька? — спросила дама, отнимая сосуд и ставя его

опять на тумбочку.

Проводила я источник воды тоскливым взглядом, хотя и догадывалась, что пить сейчас много нельзя. Я после операции? Какой? Попала в аварию? Кажется, я всегда неосторожно переходила дорогу, не обращая внимания на машины...

— Спасибо, да. Но я не Лизонька, — прохрипела я куда более внятно.

Голос был ужасен. Не голос, а скрежет несмазанных шестеренок.

— А кто вы? — спокойно уточнила медсестра.

— Я... Я... Я не помню, — в ужасе ответила я.

Я бросала взгляды по сторонам, в надежде, что хоть что-то наведет на нужную мысль, но взгляду тут было ровным счетом не за что зацепиться. Не было в этой комнате ничего, кроме кровати, явно устаревшего образца с никелированными металлическими прутьями на спинке изножья, и тумбочки, неизвестно из какого чулана доставленной сюда. Даже капельницы на стойке не было, хотя

подсознательно я ожидала увидеть хоть какие-то медицинские приборы. Эта же комната выглядела необычайно убого для

больничной палаты. Хотя, может, это и не она. Может, меня похитили, накачали наркотиками и вырезали почку? Конечно, их две, но мне они обе дороги.

— Где я?! И кто вы?!

Голос стал чище, и тем не менее мне казалось — это совсем не мой голос. И самое ужасное — я не могла вспомнить, каким должен быть

он, мой голос.

— Агата Михайловна, дежурная медсестра. Успокойтесь. Сейчас я позову Владимира Викентьевича, он вам все объяснит, — заворковала она, улыбаясь столь приторно-дежурной улыбкой, что я поняла: все не просто плохо, все очень плохо.

Ворковала она, приближаясь к дверям с навыками, явно выработанными за долгие годы работы с буйными пациентами. Но я-то не была буйной, я даже сесть на кровати смогла лишь с огромным трудом. И все для того, чтобы с изумлением уставиться на ночную сорочку из грубого полотна. Этот кошмар никак не мог принадлежать мне. Точно, кошмар! Это просто страшный сон, нужно себя ущипнуть, и все закончится. Но сколько я себя ни щипала, заканчиваться ничего не хотело. Возможно, потому, что щипки были совсем слабые — на сильные мои руки оказались неспособны. Да и сами руки — тонкие, совсем как детские. Или я так исхудала после продолжительной болезни?

Но какой?

В голове от попыток вспомнить хоть что-то зашумело, как море в шторм, да и меня саму заштормило: я покачнулась на кровати, чуть не свалившись на пол, но в последний момент удержалась за холодную металлическую спинку. Взгляд опять зацепился за ночную сорочку. Я провела по ней рукой, все больше убеждаясь, что она реальна, и все же никак не желая в эту реальность верить.

— Это не мое, — убежденно заявила я и подергала рукав.

Не знаю, на что рассчитывала. В самом деле, не на то же, что он прямо сейчас изменится на что-то воздушно-шелковое с кружевами?

— Разумеется, не ваше, Елизавета Дмитриевна. — Глубокий бас не соответствовал сухонькому старичку с совершенно белой клиновидной бородкой, впрочем, выглядящей достаточно ухоженной и аккуратной. — Это собственность лечебницы. Ну-с, как мы себя чувствуем, барышня?

— Отвратительно, — честно признала я, с трудом удерживаясь в сидячем положении.

– Ничего. Скоро будет лучше, – оптимистично заявил Владимир Викентьевич, если, конечно, это был тот, за кем ходила медсестра. Вон она высовывает озабоченную физиономию из-за плеча нового действующего лица. – Сейчас, сейчас, только не вставайте.

Я даже не улыбнулась. Не вставайте? Да я едва удерживаюсь от падения. И если это произойдет, то лучше бы на кровать, а не на пол. Пол, конечно, деревянный, что странно для больничной палаты, но разбить нос и о такой можно запросто.

Неожиданно руки Владимира Викентьевича окутались зеленым сиянием, одна легла мне на лоб, второй же он взял мою правую руку так, словно собирался считать пульс. Но занимался он точно не этим, поскольку сияние с его руки впитывалось в мою. Все это походило на... шоу? На на высоkokлассное шоу, позволяющее забыть о неказистой обстановке.

– Как вы это делаете? – спросила я.

– Что?

– Зелень на руках. Я не вижу никаких приспособлений.

– Владимир Викентьевич – целитель высшей категории, – неожиданно оскорбилась Агата Михайловна. – Зачем ему какие-то приспособления?

Целитель, ага. Высшей категории. Которому не нужны приспособления. Голова опять пошла кругом, но все же не столь сильно, как несколькими минутами раньше. И вообще, чувствовала я себя на удивление легко. В танец пуститься бы не получилось, но встать и пройти до туалета – вполне. Не то чтобы мне этого хотелось прямо сейчас, но одна мысль, что я смогу это сделать при необходимости, успокаивала. Я встала, держась на всякий случай за холодную металлическую спинку кровати с забавными шариками-навершиями. На спинке небрежно висел халат, наверняка тоже больничный, я набросила его на ночную сорочку и почувствовала себя куда уверенней. Во всяком случае, признаков операции не ощущалось, а все остальное можно пережить.

– Агата Михайловна, – чуть поморщился Владимир Викентьевич, – сообщите в управление, что Елизавета Дмитриевна очнулась. Они просили сразу с ними связаться.

Медсестра кивнула и пошла к двери, а я с удивлением обнаружила, что юбка у форменного платья не только длинная, но наверняка еще и с подъюбником: слишком пышной она казалась, хотя само платье не производило впечатление праздничного. Но тут я сообразила, что думать мне нужно совсем не о форменной одежде в этом заведении.

– Управление? – я перевела вопросительный взгляд на

целителя.

– Сыскное управление, – пояснил он. – Видите ли, Елизавета Дмитриевна, они хотели вас допросить.

– Я совершила что-то нехорошее? – испугалась я до холодной испарины, сразу представив, как меня, без признаков сознания, находят с окровавленным ножом в руке рядом с мертвым телом.

– Вы не помните? – он прищурился. – Вы, Елизавета Дмитриевна, сядьте, если уж лежать не хотите.

Я помотала головой, чувствуя там непривычную тяжесть. Кажется, раньше у меня не было столько волос. Или было? На краешек кровати я все же присела, чтобы не упасть, если слова Владимира Викентьевича окажутся слишком неожиданными.

– Я вообще не помню, что было до того, как я здесь очнулась.

Совсем ничего не помню.

– Агата Михайловна сказала, что вы не помните даже своего имени.

– Не помню.

– Елизавета Дмитриевна...

– Я точно не Елизавета Дмитриевна.

Он взял меня за руку и место соединения опять осветилось зеленым. Да что за чертовщина здесь творится? Это все совершенно ненормально. Но заволноваться я не успела: пришло странное спокойствие, явно неестественного происхождения, поскольку помрачением мозгов не сопровождалось. Наверняка Владимир Викентьевич поспособствовал. Я взглянула на него внимательнее. Обычный дедушка, ничем не примечательный. Но способности у него не обычные. Непонятные способности, пугающие.

– Пока вы не вспомнили, давайте пользоваться привычным Елизавета Дмитриевна, – миролюбиво предложил он. – Должны же мы

к вам как-то обращаться?

– Вы так и не ответили, зачем я сыскному управлению. Я кого-то убила?

– бухнула я, сразу желая определенности.

Врач, нет, целитель помялся, явно не горя желанием отвечать, спросил:

– Вы считаете, Елизавета Дмитриевна, что могли кого-то убить?

— Нет, — в ужасе помотала я головой. — Но я совсем ничего не помню. Ничегошеньки.

Я всхлипнула, он прикоснулся к моей руке, вздохнул. Опять зеленое

свечение — и рыдать резко расхотелось.

— Вы никого не убивали, Елизавета Дмитриевна. Покушение было

на вас и вашу маму.

— Мою маму?

— Увы, ее спасти не удалось. Когда соседи вызвали полицию, она была уже окончательно мертва. — Он виновато посмотрел. — Поверьте, Елизавета Дмитриевна, если бы это было в моих силах, я бы ее

спас.

Я кивнула, соглашаясь с его словами. Почему-то целителю было необычайно важно, чтобы я поверила: он сделал все, что мог. При словах о том, что моя мама умерла, в груди ничего не шелохнулось, никакого образа не появилось перед глазами. Я не помнила ее так же, как и всего остального. Возможно, потом, когда я все вспомню, осознание утраты накроет меня с головой, но сейчас это всего лишь смерть человека, которого я не знала.

— Я ее не помню. Я совсем никого не помню. И ничего.

Совершенно.

— Такое бывает. — Он участливо похлопал по моей руке. — Организм сам отгораживается от шока. Возможно, для вас это и к лучшему.

— Не к лучшему. Лучше помнить все и всех, — возразила я. — Вы говорите, на меня покушались, но я не знаю ни кто, ни из-за чего.

— Здравое размышление, — мне показалось, что Владимир Викентьевич заколебался, не зная, уступить ли или это не пойдет на пользу моему состоянию. — Но вы пока слишком слабы, чтобы забивать себе голову подобным.

Возможно, он бы еще долго упорствовал, но тут в палату в сопровождении Агаты Михайловны вошел еще один... врач? Целитель? Темноволосый, кругленький, как колобок на ножках, в

халате, при взгляде на который в голову пришло выражение «чехол для танка». И пер он так же напролом, как танк. Подскочил к кровати, не здороваясь, цапнул меня за руку, которую отобрать оказалось не так

просто и которую почти тут же окутало зеленое сияние, и заговорил, чуть картавя и протягивая гласные:

– Агата Михайловна говорит, здесь работа по моему профилю?

Барышня, не дергайтесь, вы мешаете проводить диагностику.

– Да, по вашему, – неохотно ответил Владимир Викентьевич. – Елизавета Дмитриевна не помнит ни себя, ни окружающих. Но я не уверен, что для нее это не благо.

Они с Агатой Михайловной переглянулись этак понимающе, отчего

мне еще сильнее захотелось вспомнить
хоть что-то.

– Разумеется, благо, – возмутился пришедший. – Лучше помнить все, чем мучиться от незнания, не так ли, барышня?

– Конечно.

Я оживилась. Подозреваю, что профиль этого целителя – возвращать утраченные воспоминания. А это именно то, что мне сейчас жизненно необходимо. Но радовалась я ровно до того момента, как его руки засветились подозрительным фиолетовым. К зеленому я уже почти привыкла и поняла, что этот цвет несет исцеление, а вот фиолетовый – не уверена. Руку я выдернула.

– Что случилось? – удивился целитель.

– Мне не нравится цвет. Фиолетовый – слишком тревожный.

– Обычный цвет для работы с менталом. Привычные целительские сейчас бессильны. Не волнуйтесь, барышня, не наврежу и обещаю лишнего не смотреть, – он хохотнул так, что колыхнулся всем туловищем, но тут же посерьезнел и спросил: – Пойдите

цвет?

– Видит, – вместо меня ответил Владимир Викентьевич. – Это тем более странно, что в ее карте указан весьма низкий уровень, только

для базовых заклинаний.

– Сильные потрясения иной раз вызывают непредсказуемый скачок. Непременно нужно будет измерить заново. Ну-с, барышня, успокойтесь?

Продолжим?

Не дожидаясь моего ответа, он опять ухватил меня за руку, мягко, но

уверенно, вызвал неприятное фиолетовое свечение и прикрыл глаза.

Видно, чтобы сосредоточиться. Прикрыла глаза и я, но отнюдь не

пытаюсь что-то вспомнить, просто собственная рука в этом свете выглядела пугающе неживой, а она и без того казалась чужой. Внезапно пришло в голову, что я понятия не имею, как выгляжу и сколько мне лет. И это было куда страшнее, чем то, что творил второй целитель.

А он точно что-то творил. Каша в голове колыхалась, мерзко булькая, но не выпуская из себя никаких воспоминаний. Почему-то опять всплыло имя «Светка», не принеся с собой никакой картинки, но зато захватив дополнительное слово-ассоциацию «договор».

— Потрясающе! — неожиданно восторженно сказал целитель. — Полное стирание личности! Я с таким сталкиваюсь впервые. Похоже, Владимир Викентьевич, душа слишком долго пробыла в отрыве от тела, нарушились точки привязки — и вот результат. Нет, случай не единственный, но настолько редкий, что я и читал только о двух, и то

— давнишних. А здесь еще и все базовые навыки сохранены. — Он радостно потер руки таким моющим движением, потом поднес щепоть ко рту и причмокнул. — Какой вкусный материал для статьи. Потрясающе!

— И что же здесь потрясающего? — проворчал Владимир Викентьевич. — Разумеется, кроме того, что вы получили материал для статьи?

— Как это? А развитие личности? Пойдет ли оно по тому же пути или что изменится? Барышня, ваша жизнь сейчас как чистый лист: что напишите, то и будет.

В открытой двери появился новый персонаж: мужчина в на редкость старомодном костюме-тройке. Уверена, таких не носил даже мой дедушка. Вошедшему это не мешало иметь весьма высокомерный вид. Впрочем, смешной головной убор — память услужливо подсказала

название «котелок» — он снял сразу же, как вошел.

— Господин Звягинцев, могу я побеседовать с вашей пациенткой?

Это был не вопрос, требование, так что я сразу поняла, что появился представитель того самого управления, в которое должна была сообщить медсестра. Быстро они собрались.

— Можете, — не без ехидства ответил целитель, — но она вам ничего не скажет. Видите ли, любезнейший, у Елизаветы Дмитриевны наблюдаются проблемы с памятью. И не просто проблемы, а полное

стирание личности. Она не помнит ничего из того, что с ней было до попадания

сюда.

Похоже, они виделись не впервые и не слишком друг друга жаловали. Более того, не жаловала пришедшего и медсестра – вон с каким недовольным видом принялась оглаживать сестринский фартук, словно только одно появление нового действующего лица измяло и испачкало ее безупречную одежду. Второй целитель утратил жизнерадостный вид и неприязненно поглядывал на пришедшего.

– Но вы же можете их решить. Или ваш коллега. Это нужно срочно.

Опять приказной тон. Агата Михайловна сузила глаза, а рот сжала так, как будто боялась, что не удержит рвущихся слов, которые представителем

правопорядка будут восприняты весьма неоднозначно.

– Увы, увy. – Второй целитель картинно развел пухлыми руками. – Ни я, ни кто другой. Это я могу вам сказать с полной определенностью, как один из лучших менталистов. Стирание личности, любезнейший, это вам не шуточки. Она ничего не помнит и не вспомнит, а следовательно, ничего не сможет вам рассказать. Хорошо хоть, базовые навыки сохранились.

И они с представителем сыска принялись играть в гляделки, словно только от того, кто выйдет победителем в этом поединке, зависит, решатся ли мои проблемы с памятью. Первым сдался господин с котелком в руках. Он недовольно перевел взгляд на меня и спросил:

– Елизавета Дмитриевна, вы совсем ничего не помните?

– Совсем.

– Иногда бывает, что что-то, благодаря своей важности, остается в памяти и всплывает, – пришел ему на помощь менталист. – Быть может, что-то кажется вам важным? Скажите, пусть это даже, на первый взгляд, кажется несерьезным. Слов, словосочетание или чье-то лицо – может быть все что угодно. Вдруг это поспособствует раскрытию

преступления?

Пожалуй, я могла их порадовать.

– Имя Светлана. – Я решила, что «Светка» – звучит несерьезно и совершенно не подходит к антуражу. – И слово «договор». Лиц, я, к сожалению, никаких не помню. Даже своего.

– Светлана и договор, – повторил представитель сыска. – Негусто. Но уже зацепка. Насколько я помню, в вашем окружении Светлан не было.

– Редкое имя, – заметил менталист с такой гордостью, словно

это

являлось его личным достижением.

Глава 2

Эта тетка мне не нравилась до зубовного скрежета. И хотя говорить про княгиню «тетка» неправильно, но другого слова, чтобы ее точно описать, у меня не нашлось. Не было в ней ничего княжеского, кроме дорогой одежды и драгоценностей, вот их был даже перебор, на мой вкус. Княгиня сияла как рождественская елка, разбрасывая яркие разноцветные лучики при попадании на нее солнца. Правда, от этого она не становилась ни добрее, ни праздничнее. А уж я, в застиранном халате, по сравнению с ней выглядела наверняка как бедная сирота, которой, впрочем, и являлась. Бедная сирота при богатой попечительнице лечебницы. Которая сейчас размышляла, что же со мной делать, и смотрела при этом, не скрывая выражения гадливости на лице. Впрочем, в чему она относилось: ко мне, к моей одежде или к лечебнице в целом — было не понять, а сама посетительница не торопилась начинать разговор. Вошедший с ней Владимир Викентьевич молча переминался у нее за спиной, хотя и приоткрывал

пару раз рот, явно желая что-то сказать, но не решаясь.

— И чем вы хотели меня удивить? — наконец разбила тишину княгиня. — Видом неопрятной девицы? Так таких девиц по улице бегают...

Она пренебрежительно помахала пальцами перед собой, то ли пытаясь показать, как именно они бегают, то ли неловко пересчитать девиц, к числу которых отнесла меня. Камни на перстнях радостно заблестели, словно огоньки на... Сравнение убежало, хотя казалось: еще немного — и я вытащу его из глубин памяти на поверхность. Что ж, нет так нет.

— Ваша Светлость, она ваша внучка, — заметил целитель.

Его слова не только удивили меня, но и возмутили княгиню до глубины души и вздернувшегося подбородка. Она повернулась к Владимиру Викентьевичу и посмотрела так, что он стушевался и сделал пару шагов к двери. Пожалуй, я бы тоже на его месте попятилась бы, если бы собеседница вдруг ни с того ни с сего зашипела, выставив перед собой руки. К чести целителя, он опомнился и остановился почти сразу. А я бы, наверное, удрала подальше, тем

более что никакого желания общаться с этой особой у меня не было. Более того: было острое нежелание даже ее видеть.

— У меня нет внучки, — отрезала неприятная тетка. — За эту... ошибку моего младшего сына мы сполна расплатились. Ее матери была куплена квартира. Этой же... — Презрительный кивок на меня. — Оплачено обучение в одной из лучших гимназий. Уверю вас,

любезнейший, мы сделали для них куда больше, чем любой на нашем месте.

— Видите ли, Ваша Светлость, других родственников у нее нет, — продолжал упорствовать целитель. — Поэтому ваш долг позаботиться о ней.

Это предложение не вызвало энтузиазма не только у княгини, но и у меня. Да, я тыкалась сейчас, как новорожденный котенок, ничего не зная и не понимая. Но я твердо была уверена: ничего хорошего не выйдет, если эта тетка примется за мной присматривать. Она мне не нравилась до странной внутренней дрожи, и очень было похоже, что это чувство взаимно.

— У меня долг только перед своим родом, — отрезала княгиня. — Если эта особа была бы хоть чем-то полезна, но нет: это всего лишь бесполезное отродье.

На меня обращала внимания не больше, чем на любой предмет мебели, и говорила она обо мне, выбирая наиболее оскорбительные выражения, с явным желанием унизить.

— У нее есть магия.

— У нее этой магии едва хватило для занятий с наставником. И то мне постоянно намекают, что она не слишком успешно справляется с заданиями.

— Покушение запустило рост дара. Елизавета Дмитриевна теперь видит магию. Объем и цвет.

— В самом деле? — Княгиня резко развернулась, впериась неприятным цепким взглядом очень светлых серых глаз и создала в руке черный дымчатый комок.

— Ваша Светлость! — метнулся к ней Владимир Викентьевич. — Здесь лечебница. Здесь не место для такой магии.

— Какой такой? — не поворачиваясь к нему, процедила княгиня. — Если она действительно видит цвет, ее не затруднит ответить.

Если от того, отвечу ли я, зависит, возьмет ли эта тетка меня под свою руку, то нужно крепко подумать, стоит ли говорить правду. Попадать к ней в зависимость категорически не хотелось, поскольку я чувствовала, что мы не уживемся и однажды я сорвусь с непредсказуемым результатом. Или она: уж больно выразительно она меня игнорировала, не то что не обращаясь по имени, а вообще ведя диалог

через третье лицо.

— Елизавета Дмитриевна, ответьте же Фаине Алексеевне, — подрагивающим голосом попросил целитель.

– Красный, – решила я.

– Вот как? – нехорошо усмехнулась моя родственница и чуть пошевелив пальцами, убрала черноту, но не руку передо мной. – А теперь?

– Черный, – недрогнувшим голосом отрапортовала я.

Целитель бросил на меня возмущенный взгляд, но сказать ничего не

успел, поскольку княгиня резко развернулась к нему и прошипела:

– Милейший, к чему было устраивать цирк? Это отродье как было бесполезным, так и продолжает оставаться таковым! Посчитали, что обманом сумеете заставить меня ее опекать? Зря. Среди Рысьиных дураков

нет. И не будет.

– Ваша Светлость, но это же ваша внучка, а значит, ваша прямая обязанность

позаботиться о ней. Больше этого сделать некому.

Мне показалось, что ногти на выставленных на противника теткинх пальцах удлинлись и заострились. Я потрясла головой, моргнула – нет, совершенно обычные, ухоженные руки с аккуратным маникюром и изящными пальцами, увенчанными массивными перстами, часть из которых на женской руке смотрелась даже неуместно. Но сама владелица ухоженных рук сейчас больше всего напоминала ведьму, даже воздух вокруг нее, казалось, уплотнился и заискрил.

– Властью, данной мне родом Рысьиных, навечно отказываюсь от прав и обязанностей по отношению к девице Елизавете Седых. – Из одного из перстней вырвался красный луч, а где-то высоко в небе прогрохотало, словно отказ был услышан и засвидетельствован... богами? – Ей нет места в нашем роду.

Княгиня резко и шумно выдохнула, встряхнула руками, словно сбрасывала невидимые никому капли и прошествовала на выход,

шурша юбками и не обращая внимания ни на меня, ни на Владимира Викентьевича. Тот расстроено охнул, но пошел за ней, то ли из обязанности вежливого провожатого, то ли еще рассчитывая, что она изменит решение.

Наверное, княгиня ушла сразу, потому что целитель очень быстро вернулся

и тут же на меня обрушился:

– Елизавета Дмитриевна, зачем вы это сделали? Вы же

прекрасно все видели. — Он расстроено потер лоб. — Лишить себя поддержки одного из сильнейших российских кланов... Ох, пожалеете вы

еще, да только теперь дороги назад нет.

Обманывать этого замечательного беспокоящегося человека не хотелось, поэтому я честно, хоть и несколько резко ответила:

— Пусть она жалеет. Я точно не пожалею, если наши дороги больше не пересекутся. Владимир Викентьевич, вы же видели, она меня ненавидит. Кстати, вы не знаете почему? Я внебрачный ребенок?

— Что вы говорите, Елизавета Дмитриевна, — шокированно замахал он руками. — Просто, с точки зрения княгини Рысьиной, брак ваших родителей — мезальянс. Ваша матушка имеет... имела лишь небольшой магический дар, — смущенно поправился он. — Отец же был весьма силен по меркам оборотней.

— По меркам кого? — удивленно переспросила я, подозревая, что собственные уши сыграли со мной злую шутку, позволив услышать совсем

не то, что было сказано. Какие оборотни?

— Оборотней, — повторил Владимир Викентьевич. — Его прочили главой клана в обход старшего брата, но сначала неподходящая женитьба, потом — нелепая смерть. Если бы вы переняли от него способность к обороту, княгиня была бы к вам более благосклонна,

но увы, от отца вы ничего не взяли.

Он говорил совершенно серьезно, и все же постоянно казалось, что он меня разыгрывает. Какие оборотни? Какие кланы? Какая способность к обороту? Все это никак не встраивалось в мою картину мира. Впрочем, она была до того не проработана, что сейчас в нее при желании можно было встроить что угодно. Но все же оборотни — это чересчур.

— Оборотней не существует, — уверенно заявила я. — Это детские

сказки.

Владимир Викентьевич застыл на месте, удивленно на меня таращась.

— Как вы можете утверждать, что оборотней не существует, если только что общались с представительницей одного из сильнейших кланов, которая с трудом удержалась от оборота, настолько вы ее бесили? — Неужели мне не показалось, что ногти княгини удлинились и заострились? Да нет, ерунда какая-то. — Наверное, все дело в шоке, — задумчиво предположил он, — в результате которого вы

старательно отгораживается от всего травмирующего. Родство с Рысьиными для вас, несомненно, — один из таких факторов. Но от оборотничества вам, увы, не отгородиться. Это же государствообразующее понятие.

— Что именно?

— Клань оборотней составляют Большой Совет, во главе которого находится Император.

— Император выборный?

Я невольно заинтересовалась и внезапно представила картину, как у подножия трона топится куча диких животных, отпихивая друг друга и стараясь усадить именно свою пушистую попу на императорское седалище. В моем воображении побеждал медведь и звучала странная знакомо-незнакомая фраза: «Господа, вы звери», приобретающая в данном контексте куда более глубокий смысл.

— Почему же выборный? Должность наследуемая. — Теперь уже Владимир Викентьевич смотрел недоверчиво. Наверняка считал, что забыть свое имя — нормально, а вот забыть, как управляется государство,

— настоящая трагедия.

— Император — тоже оборотень? — на всякий случай уточнила я.

— Разумеется, ведь именно оборотни встали между народом и Зверем.

— Зверем?

Голова шла кругом: то мне казалось, что Владимир Викентьевич меня разыгрывает, то — что он совершенно серьезен и лишь хочет помочь, объяснив то, что я должна была усвоить с детства. Словно накладывались две картинки, имеющие много общего, но отличающиеся мелкими деталями, и получающееся изображение было расплывчато-зыбким, не похожим ни на одно из двух первоначальных.

Но правильное-то только одно, и мне непременно нужно разобраться, какое

именно.

— Боги, вы совсем ничего не помните, Елизавета Дмитриевна? — страдальчески спросил целитель.

Я покачала головой. То, что вспоминалось, никак не состыковывалось с тем, что сейчас рассказывали. К примеру, в голове внезапно всплыло «Бог един в трех лицах», но Владимир Викентьевич говорит о них во множественном числе. Не могли же Отец, Сын и Святой дух неожиданно стать тремя богами?

Владимир Викентьевич вздохнул и повел рассказ, больше всего похожий на детскую сказку. О том, как последний правитель из рода Романовых под видом строительства новой столицы провел масштабное жертвоприношение и вызвал Зверя из Бездны. И если бы не противостоявшие ему волхвы, воззавшие к исконным русским богам, была бы на земле русской пустошь. А так боги откликнулись и наделили избранных силой: кого способностью к обороту, кого магией, а кого — и тем, и другим. И вот эти-то, третьи и стали основой Большого Совета. Причем именно эти третьи образовали кланы, главами которых становится самый сильный представитель. Кланы, которые брали под свое крыло не только носящих «звериную» фамилию, но и тех, кто могли быть полезны клану в целом. Владимир Викентьевич еще раз посетовал, что я так повела себя с Рысиной, рядом

с которой мне было бы намного безопаснее.

— Не уверена, — возразила я. — Судя по тому, что эта особа плохо держит себя в руках, рано или поздно она бы меня загрызла.

Целитель слабо улыбнулся, показывая, что понял шутку, но она не показалась ему особо смешной.

— Елизавета Дмитриевна, вы же маг и, судя по нашим замерам, у вас запустился резкий рост дара. Пару лет занятий с хорошим преподавателем — и вы кого угодно спеленаете, а то и... — он не стал развивать эту тему дальше, что тут же пояснил: — Впрочем, не люблю давать прогнозы. Магия непредсказуема. Будем надеяться, что о вас захочет позаботиться другой род. Сильных магов мало, и они ценный ресурс. Так что какой бы путь вы ни выбрали, непременно останетесь в выигрыше.

— Моя мама была магом, но ни в какой клан не входила, — сказала я, больше предполагая, чем опираясь на известные мне факты.

— Она была слабым магом, Елизавета Дмитриевна, ради такого никто из кланов не пошел бы на конфронтацию с Рысиными, которые непременно высказали бы свое недовольство. Но она работала на государство,

в военном ведомстве.

— Кем работала? — уточнила я. — Боевым магом?

— Что вы! — удивился целитель. — Какой боевой маг с ее даром?

Секретарем-копировальщицей.

Он замолчал, а я подумала, что смерть мамы наверняка была связана с ее работой, поскольку пытавшийся меня допросить следователь упомянул, что из дома пропали все артефакты, даже

простейшие бытовые. Не осталось ни одной вещички со следами магии. Может, не так уж и безопасно иметь дар?

— Ну как? — с надеждой спросил целитель. — Что-то проявилось? Может, вспомнили, кто у нас правящее семейство?

— Медведевы? — предположила я, исходя из того, что медведь — это фактически наш национальный символ. Еще водка и балалайка. Но вряд ли существуют столь экзотические оборотни...

— Что вы? Медведевы, несомненно, сильный род, но они зимой... не слишком активны, влияние второй ипостаси на человеческую очень сильно. Представители клана Медведевых могут запросто уснуть на заседании. Львовы же! — победно бросил Владимир Викентьевич. — Ну как, вспомнили, Елизавета Дмитриевна?

— Владимир Викентьевич, как я могу вспомнить то, чего не знаю? — проворчала я, досадуя больше на себя, чем на целителя, который всего лишь хочет помочь.

— Часть понятий у вас сохранилась, — возразил он, — вот я и пытаюсь выяснить, насколько большая часть и что она затрагивает. Название столицы вы тоже наверняка не помните?

— Москва, — оживилась я.

— Вот видите, — обрадовался целитель, — что-то сохранилось. Только это старая столица, до явления Зверя. С выбором нового императора и Совета было решено построить новую столицу, ближе к восточной

части империи. Царсколевск.

Царсколевск? Сколько я ни крутила в голове это слово, оно ничего не захотело на себя цеплять, не вызвало ни малейших ассоциаций. Создавалось полное впечатление, что я его слышу впервые. Впрочем, как

и кучу информации до этого.

— И как мне вас выписывать, Елизавета Дмитриевна? — вздохнул Владимир Викентьевич. — Вы же сейчас как ребенок малый, вас каждый может обмануть. И держать вас в семейной лечебнице Рысьинх

я больше не могу, максимум — до завтра. Да и то...

Он махнул рукой, а я остро почувствовала, что у милого целителя из-за меня будут неприятности, даже из-за того, что я останусь тут до завтра. Но сегодня он меня в любом случае не отпустит, да я сама не стремилась

выйти в пугающую неизвестность.

— Отдыхайте пока, Елизавета Дмитриевна, попозже я еще зайду.

Он уже направился к двери, но я остановила его вопросом:

– Владимир Викентьевич, если мои родители состояли в законном браке, почему я Седых, а не Рысына?

– Звериные фамилии имеют право носить только истинные оборотни. То есть пойдя вы, Елизавета Дмитриевна, в батюшку, были бы Рысиной, но увы, его способностей вы не получили, и поэтому вы Седых, как ваша матушка, светлого ей ирия. – Он в воздухе странную завитушку, явно не имеющую отношения к магии. – Поэтому в семье двух оборотней дети могут носить разные фамилии. Конечно, такие браки не поощряются, но бывает все.

– Лисьевы и Зайцевы? – невольно рассмеялась я.

– Именно. – Подмигнул Владимир Викентьевич. – Или как в семье вашей подруги: Волковы и Хомяковы. Впрочем, Волков там всего один.

И он ушел, оставив меня переваривать невозможную мысль, что у меня есть подруга, умеющая превращаться в хомяка, а ее брат – в волка. Интересно, а бывают ли гибриды и как они выглядят? Мама дорогая, это точно сон!

Впрочем, долго размышлять мне не дали, поскольку представительница замечательного клана Хомяковых решительно ворвалась

в мою палату.

Глава 3

Оленьку Хомякову, жизнерадостную голубоглазую девушку с толстенной пшеничной косой, вряд ли бы взяли в разведку. Не потому, что она не имела второй ипостаси, как раз наоборот, с этим все обстояло прекрасно, во всяком случае, по ее словам, а вот с умением держать язык за зубами – нет. Владимир Викентьевич успел ей сообщить, что я ничегошеньки не помню, поэтому подруга старательно заполняла пустующие места нужными и ненужными сведениями. Так, я почти одновременно узнала, что учитель по географии – зверь, хотя и без второй ипостаси, но по внутренней сущности – гибрид между змеей и ехидной, а чтобы купить апельсин, Оленьке пришлось оббегать половину Ильинска. Ильинск – это город, в котором мы находились. Как ни странно, я была уверена, что одна из лучших гимназий, о которой столь пафосно говорила отказавшаяся от меня недобабушка, столичная, а поди ж ты, нет. Наверное, на столичную у Рысыных денег не хватило, вот и выбрали лучшее среди худшего или худшее среди лучшего, или, как вариант, самое недорогое среди лучшего. Или просто на меня решили не тратиться, посчитав ненужным балластом.

Старательно обходя тему смерти моей мамы, о которой Оленька упомянула лишь в начале появления и не смогла сдержать слез, она почти непрерывно болтала, перескакивая с одной темы на другую, и

выставляла на тумбочку кучу разнообразных горшочков снеди, призванных накормить не меньше чем полный гимназический класс, о чем

я не преминула заметить.

– Скажешь тоже, – хихикнула Оленька, заправив непокорную выбившуюся кудряшку за ухо, – нашим это на один зубок. Так только размяться, и все. Да и то только Строговой.

– А Строгова?..

– О, – мечтательно протянула Оленька, – Строгова такая... – Она обрисовала руками силуэт, больше всего похожий на бурого медведя в преддверии спячки, когда тот полностью набрал жировые запасы на долгую сонную зиму. – Ее ни с кем не перепутать. Сама увидишь.

– Если увижу.

– А почему нет? Владимир Викентьевич сказал, что Рысьины твоё обучение оплатили. Деньги гимназия никогда не возвращает, это в договоре

прописано. Не хочешь же ты подарить деньги

Булочке?

Оленька возмущенно посмотрела, набрала в ложку какую-то кашу и ловко засунула ее в рот не ожидавшей такой подставы мне. Все же слишком много времени прошло с тех пор, как я начала есть самостоятельно. И сейчас я открывала рот совсем не для того, чтобы в него что-то положили, поэтому, не дожидаясь следующей порции, невнятно

спросила:

– Буфочке?

– Директриса же, – удивленно пояснила Оленька. – Ей жалование платят из наших денег.

Она подготовила еще одну ложку и внимательно смотрела мне в рот, ожидая, когда я его опять необдуманно открою. Но поскольку я уже была настороже, встречи с очередной порцией еды успешно избежала, просто уклонившись в сторону.

– Учителям тоже платят из них же, – напомнила я. – Не надо меня кормить!

– Как это не надо? Владимир Викентьевич сказал, что ты должна хорошо кушать, чтобы набраться сил, – запротестовала Оленька, – так что давай, не увиливай. Тебе еще сегодня к нам перебираться.

– К вам?

– Не будешь же ты жить одна? – она потешно вытаращила глаза

и задумчиво положила ложку с кашей себе в рот. К слову, каша была весьма вкусной, с мясом, и если бы мне дали ложку, вполне может быть, что от содержимого этого горшочка уже ничего не осталось бы. — Не переживай, с папенькой согласовано, в мою комнату поставят вторую кровать.

Я опешила.

— Это, конечно, здорово, но, во-первых, я ничегошеньки не помню: ни тебя, ни твою семью, ни учителей...

— Зато я тебя помню. Не буду же я отказываться от подруги только потому, что она меня забыла, — ничтоже сумняшеся заявила Оленька. — Я же тебя помню. Ты вот она, рядом, и ты моя подруга, а значит, я должна тебе помочь вспомнить все.

Говоря, она выразительно размахивала ложкой, потом решила, что та пустой выглядит несолидно, и опять набрала в нее каши, задумчиво отправив ту в свой собственный рот.

— А во-вторых, у вас будут проблемы с кланом Рысьиных, если я вдруг у вас поселюсь.

— Ой, напугали Хомяковых Рысьиными, — весело махнула она рукой и запустила ложку в горшочек. Так, не поняла, кому принесли кашу? — У нас и без того отношения не заладились, когда мой папа мою маму у твоего папы увел.

Не иначе как от неожиданности я отобрала у нее и ложку, и горшочек. Такие известия нужно встречать во всеоружии.

— Твой папа увел невесту у моего? — на всякий случай уточнила я.

Почему-то захотелось увидеть женщину, променявшую фамилию

Рысьина на Хомякову. Правда, я почти сразу вспомнила, что фамилия у нее осталась своя, Волкова, но дети-то, дети — Хомяковы, а могли быть Рысьиными. Я даже немного оскорбилась за папу, которого променяли на мелкого грызуна.

— Не совсем так, — возразила Оленька, почувствовавшая мое настроение или просто огорчившаяся тем, что ложку у нее отобрали. — К тому времени твой папа уже разорвал помолвку и вовсе ухаживал за твоей мамой, но Рысьина-старшая не смирилась и делала все, чтобы не допустить ненужного брака и вообще вернуть все как было, поэтому обхаживала Волковых, чтобы те не торопились выдавать дочь замуж. Но тут маме пришлось срочно выходить за папу...

— Почему срочно? — заинтересовалась я.

Не совсем внятно, потому что каша как-то незаметно перекечевывала из горшочка туда, куда Оленька собиралась ее первоначально отправлять, но отвлеклась.

— Потому что Волкову за Хомякова никто бы не выдал, — пояснила подруга. — Но мы же Хомяковы! Мы проберемся всюду, где нас не ждут, и непременно добьемся поставленной цели, — закончила она оптимистично. — Кстати, ты помнишь, что почти помолвлена с моим братом?

— Точно не было такого! — я поперхнулась от неожиданности и комочки каши щедро усеяли белую тумбочку.

Чтобы я вышла замуж за Хомякова? Да никогда! Впрочем, я тут же вспомнила, что среди Хомяковых затесался один Волков, может, о нем речь? Но поскольку все равно ничего не вспоминалось, то и гадать нечего.

— Ну вот, а говоришь, ничего не помнишь, — разочарованно протянула

Оленька.

— Это ты сейчас, пользуясь моей амнезией, пыталась меня обмануть? — возмутилась я. — А еще говоришь, подруга. Подруги так не поступают.

Я демонстративно засунула ложку в горшочек и отодвинула подальше. Все равно он уже опустел. Да если бы и не опустел: никакая каша

не стоит вливания в дружную хомяковскую семью.

— Это я так, проверить, — ничуть не смутилась Оленька. — Да даже если бы ты вдруг согласилась, что что-то такое могло быть, у брата никакой амнезии нет, он-то точно помнит, что ни о какой помолвке речи не заходило. — Она заглянула в горшочек, тяжело вздохнула и принялась накручивать на палец кончик косы. — С другой стороны, если одна сторона согласна, другую уговаривать намного проще, а мы и без того с тобой как сестры.

Она с надеждой на меня посмотрела, но я ее сразу же разочаровала:

— Я не согласна. Кроме того, я не помню ни тебя, ни твою семью.

— У меня замечательная семья, — гордо сказала она. — Хомяковы — это сила. Вспомнишь. Вот поживешь у нас и вспомнишь.

— У меня есть своя квартира, — не согласилась я. — Почему я должна жить непонятно у кого?

— Лиза, ты не можешь жить одна, — убежденно сказала Оленька. — Да и на что ты будешь жить?

Я задумалась. При слове «деньги» воспоминаний не возникало ровным счетом никаких. Сомневаюсь, что я буду в состоянии хоть что-то заработать, одновременно учась в гимназии. Судя по словам бывшей бабушки, знаниями я не блистала, а сейчас и все, что выучила, благополучно

забыла.

— Возможно, мне положена какая-то пенсия? — предположила я.

— От военного ведомства?

— Пока ее будешь выбивать, успеешь состариться, — проворчала Оленька. — Лиза, ну прости меня, согласна, это была глупая шутка. —

Она полезла обниматься и чуть не уронила меня на кровать, все-таки я не слишком устойчиво сидела, да и противная слабость не желала пока уходить. — Обещаю, больше никогда-никогда.

Она клятвенно приложила руки к груди, вполне себе оформившейся для ее лет шестнадцати-семнадцати. Наверное, и мне столько же. Я ведь до сих пор даже не представляла, ни как выгляжу, ни сколько мне лет.

— Оля, у тебя есть зеркало? — строго спросила я. — А то меня никуда

не пускают.

— Конечно. — Она начала вываливать на тумбочку содержимое своих поистине бездонных карманов, и я заподозрила, что в ее случае фамилия полностью отражает внутреннюю суть. К примеру, зачем носить с собой недоеденное яблоко или сломанный карандаш? Но зеркало наконец было найдено, маленькое карманное зеркальце, больше похожее на пудреницу, этакая серебряная коробочка с пышным букетом

роз сверху. — Держи.

Из зеркала на меня уставилось совершенно незнакомая бледная девица с огромными темными кругами под глазами. Краше в гроб кладут.

Это я невольно повторила вслух.

— Обычно ты выглядишь посимпатичнее, — хихикнула Оленька. — Но Владимир Викентьевич и так тебя лишь чудом с того света вытащил, а остальное восстановится. Главное — вовремя есть и спать.

Она отобрала зеркало, всунула мне в руку невесть откуда взявшийся пирожок и забулькала подозрительной жидкостью из кувшина. Я решила, что собирайся она отравить, сделал бы это уже с кашей, и мужественно откусила немного от пирога, который еще даже не остыл. Ммм... С рисом и грибами, моя любимая начинка. Положительно,

в Хомяковых есть что-то

хорошее, хотя это что-то — не один из хомяковских сыновей. Я аж глаза прижмурила от наслаждения, поэтому не заметила, когда в палате появился целитель.

— Владимир Викентьевич! — радостно завопила Оленька. — Я забираю Лизу к нам, она согласилась.

Я опять поперхнулась и долго не могла откашляться. Подруга услужливо

затарабанила по спине кулачками.

— Я не соглашалась, — наконец выдавила я, утирая выступившие слезы.

— Я никого не помню, как я могу к кому-то переезжать?

— Скажите же ей, Владимир Викентьевич, — возмутилась Оленька,

— что Лиза не может жить одна.

— Разумеется, не может, Ольга Петровна. Ей требуется присмотр. Целительский присмотр, поэтому она пока поживет у меня, — тоном, не допускающим ни малейших возражений, выдал Владимир Викентьевич. — И не вздумайте отказываться, Елизавета Дмитриевна.

— Как это у вас? — возмутилась Оленька. — У нас. Мы почти родственники, у нас ей будет лучше. А захотите присматривать — приходите в гости.

Выражение «почти родственники» насторожило. Возможно, Оленька Хомякова имела в виду, что мы с ней очень близкие подруги, а возможно, намекала, что от идеи породниться так и не отказалась. Нет, пока я не вспомню хоть что-то, нужно быть как можно более осторожной.

— У меня есть квартира, — напомнила я.

— Кроме где жить, вам, Елизавета Дмитриевна, еще надо что есть. И что вы будете есть в холодной квартире?

— Вот именно! — поддержала его Оленька. — А у нас кухарка такая,

что даже Рысьины могут только облизываться.

— У меня тоже есть кухарка, Ольга Петровна, — целитель был непреклонен. — А еще есть знания, которых нет ни у кого в вашей семье.

— Брат проходил курсы первичной медицинской помощи, — продолжила Оленька почти безнадежную борьбу.

– Елизавете Дмитриевне первичная медицинская помощь не нужна. Ей требуется серьезная целительская.

– Вы думаете, Владимир Викентьевич, память удастся восстановить? – оживилась я. – На ваш коллега сказал, что это невозможно.

– Память восстановить действительно невозможно. Это подтвердил еще один специалист, запрошенный Военным ведомством. Очень уж они хотят знать, что случилось у вас дома.

– И какая тогда ей нужна целительская помощь?

– У Елизаветы Дмитриевны пока еще очень слаба связь души и тела.

– То есть она может умереть? – испугалась Оленька.

Признаться, я тоже. Жить, ничего не помня, было не слишком комфортно, но в любом случае куда лучше, чем не жить.

– Что вы, Ольга Петровна, разве я это допущу? – возмутился Владимир Викентьевич. – Я не для этого Елизавету Дмитриевну вытаскивал.

Но все же укрепляющие процедуры ей не помешают.

Это была чистая победа. Оленька сдулась, голубые глазки потухли в преддверии поражения, но она все же нашла в себе силы предложить:

– Мы будем возить ее к вам, когда скажете.

– Зачем же подвергать пациента ненужной тряске? К тому же я живу совсем рядом с гимназией и Елизавете Дмитриевне не придется долго добираться.

Оленька окончательно потухла, но и меня не порадовали слова Владимира

Викентьевича.

– А я смогу учиться? Я же совсем ничего не помню.

– За этот год гимназии уплачено, – сказал Владимир Викентьевич, – а ваша матушка хотела, чтобы вы учились. Не попробуете – не узнаете.

– А откуда вы знаете, чего хотела моя мама?

– Владимир Викентьевич дружил с твоим дедушкой. – Оленька сказала

это столь укоризненно, что я даже

застыдилась, что забыла.

– Именно так, – подтвердил целитель. – И с вашей матушкой после

смерти ее отца мы не прекращали общения.

Стало ясным его желание мне помочь, проистекающее из чувства долга

по отношению к внучке друга.

– А я не сильно вас обременю? – уже почти смиряясь с неизбежным, спросила я.

– Помилуйте, Елизавета Дмитриевна. – Всплеснул он руками. – Да мне в радость будет, если вы у меня поживете. Одинокому человеку по вечерам и словом перекинуться не с кем. – И заметив, что я все еще колеблюсь, тоном змея-искусителя продолжил:

– А еще у меня приличная библиотека. Не сказать чтобы очень большая, но хорошая. Будет подспорьем в учебе.

Мне не очень нравилось, что все решают за меня. Но был ли у меня выбор? Сейчас, когда я совсем ничего не знала о том, что находится за дверями палаты, он заключался лишь в том, к кому я пока

переезжаю. С учетом хомяковских матримониальных планов целитель был

предпочтительнее. Осталось решить только один вопрос.

– А мои вещи?

– Я соберу, – оживилась Оленька. – Соберу и помогу тебе устроиться. И если окажется, что Лизе не оказывают должного внимания...

Суровый тон намекал, что подруга от идеи заселить меня к себе не отказалась

и лишь ищет подходящий

предлог

– Не окажется, милая барышня. И если вы хотите помочь Елизавете Дмитриевне собрать вещи, делать это нужно сейчас. Увы, настаивают

на немедленной выписке.

Какая, однако, неприятная у меня недобабушка. Только и думает, как побольней уколоть. С другой стороны, посторонним в рысьинской лечебнице не место, а я, как ни крути, теперь посторонняя, чему я скорее рада.

Оленька метнулась за моими вещами метеором. Не знаю, не забыла ли она чего важного, но привезла и учебники, и верхнюю одежду и даже белье, которое вогнало меня в полнейший ступор. Нет,

я знала, как надеваются панталоны с кокетливыми кружавчиками снизу. Но сам факт, что нужно надевать панталоны, застегивающиеся на пуговицу сбоку, уже казался неправильным. Черные чулки, ладно бы тоненькие, нежно облегающие ногу, так нет – толстенные, да еще и колючие. Серое форменное платье. Оказывается, гимназистки должны были и за пределами гимназии носить форму. Почему-то, надевая все это, я чувствовала себя актрисой из исторической постановки, хотя беглый взгляд на подругу указывал, что надо мной не издеваются и что так действительно ходят. Серое же пальто было необычайно тяжелым и тянуло к земле, словно пудовая гиря. И как я только это все носила?

Наверное, если бы не Оленька, поддерживающая меня с одной стороны, и Владимир Викентьевич с другой, я бы самостоятельно не дошла. Штало меня как во время шторма из одной стороны в другую, ноги не хотели держать, а предательские струйки пота, казалось, собирались в полноценную реку, чтобы с крышей залить лечебницу. Но все же мы дошли до пролетки, в которой я даже не уснула по дороге, настолько интересно было все рассматривать.

Создавалось впечатление, что здесь я никогда не была, хотя, по словам целителя и Оленьки, должна была знать город до самой мелкой улицы. К слову, город выглядел довольно милым, хоть и не мог похвастать

высотными строениями.

Владимир Викентьевич жил в небольшом двухэтажном домике, окруженном множеством деревьев, показывающих миру лишь голые ветви. Наверное, сейчас осень. Для зимы – снега не хватает, для весны – слишком мрачно. Хотя сегодня мрачным мне казалось все, да и темнело на улице с ужасающей быстротой.

Комнату мне выделили на втором этаже, совсем рядом с библиотекой.

Оленька сразу засуетилась, раскладывая мои вещи в шкаф и по полкам, а целитель взял за руку и опять начал переливать в меня зелень. Этак скоро я позеленею не хуже весенней травки. И буду не только с амнезией, но и экзотической расцветки. Успокаивало только то, что магию видят не все, а значит, для остальных я буду выглядеть нормально. Во всяком случае, пока не заговорю.

Усталость навалилась на плечи, словно я сегодня весь день тяжело работала. Глаза сами собой закрывались. Даже Оленька поняла, что сейчас меня лучше оставить в покое, расцеловала в обе щеки, сунула в руки увесистую книжку, заявив, что это моя любимая и я спать без нее не ложилась, и убежала, пообещав непременно прийти завтра.

А я провалилась в мутный сон, из которого к утру совершенно ничего не запомнила. Книга, всунутая мне Оленькой, так и лежала рядом с подушкой. Я привстала, переложила ее на тумбочку, но так неловко, что книга раскрылась и из нее выпал кусочек картона, которым наверняка та я, до покушения, заложила понравившееся

стихотворение. Досадуя на себя, что не узнаю, какое стихотворение мне нравилось, я подняла картонку и обнаружила, что это вовсе не картонка, а фотография. Фотография весьма красивого офицера с каллиграфической надписью на обороте: «Лизаньке от Юрия». Фамилии не было, и все же появилась уверенность, что этот Юрий – Волков, слишком хищная у него была физиономия. И вставал вопрос: подарил ли он мне свою фотографию ранее или ее подсунула Оленька, пользуясь

случаем.

Глава 4

Фотографию я засунула назад в книгу, никакого отклика в моей душе она не вызвала. Да, юноша на ней выглядел весьма и весьма, но если у нас что-то и было, то я совершенно не помню, так что теперь ему придется завоевывать меня по новой, и то не факт, что получится. Желания родниться с Хомяковыми не появилось, несмотря на явную привлекательность

Волкова.

Было еще совершенно темно, но сон ушел и возвращаться не собирался. Возможно, раньше при бессоннице я закутывалась в одеяло и мечтала о красавчике Юрии, прижимая к груди его фотографию, но сейчас мне было не до романтических грез: в голову приходили на редкость грустные мысли. Я понятия не имела, что делать дальше. Не сидеть же на шее у целителя, тем более что у него могут быть из-за меня неприятности.

Я была уверена, что, если вспомню все, смогу позаботиться о себе сама, не навлекая неприятности ни на Звягинцева, ни на Хомяковых. Но вот беда: ничего вспомнить так и не удавалось. В голове бродили обрывки мыслей, касающихся магии. Уверена – это именно то, что может дать мне независимость.

От слабости не осталось и следа, чувствовала я себя на удивление бодро и жаждала хоть какой-то деятельности, лучше всего – связанной с магией. Слова Владимира Викентьевича, что смогу создавать разноцветные сгустки непонятного назначения, накрепко засели в моей голове. Хотя почему непонятного? Уверена, каждому цвету соответствует свое направление: зеленый использовался при лечении, фиолетовый – когда копались в моих пострадавших мозгах, черный – явно что-то из боевых, не зря же так испугался целитель. Наверняка есть и другие, не менее веселые расцветки, просто я пока видела только эти три. А поскольку упоминались мои занятия магией, то наверняка могла не только видеть, но и создавать. Но как?

Я смотрела на руки, пытаюсь вызвать хоть какое-то свечение, но совершенно безрезультатно. Было ли это следствием моего плачевного состояния или я просто не знала, что делать? Должны же быть какие-то техники, позволяющие вызывать магию и ее использовать? Если

мое тело помнит, как ходить и говорить, возможно, оно помнит, и как

использовать магию?

Почему-то в голове всплыло «упражнение со свечой». В комнате было темно, но, стоило чуть напрячься, как чернота серела и я начинала четко видеть все, что находится в комнате. Свечей не было. Зато на письменном столе стояла прекрасная керосиновая лампа с не менее прекрасным фитилем. Наверняка его тоже можно зажечь.

Я села на стул напротив лампы и уставилась на нее. Фитиль загораться не желал, я даже не заметила, чтобы он начал тлеть. Возможно, потому, что силы моей мысли недостаточно, чтобы пробить стекло, его ограждающее? Я сняла колпак с лампы и опять уставилась на фитиль. Не происходило ровным счетом ничего. Наверное, я что-то делаю не так.

Я поставила локти на стол, уперлась подбородком в руки и, не сводя взгляда с фитиля, начала обдумывать, как же его все-таки зажечь. Вспомнилось, что и у Владимира Викентьевича, и у недобабушки магия начиналась с формирования сгустка в руке. То есть получается, что проводником магии служат руки, а не глаза? Тогда я напрасно столько времени пялюсь на лампу.

Я встала, отошла от стола, вытянула к злополучному фитилю руку и представила, как от меня через руку проходит волна огня, зажигающая этот чертов фитиль.

Наверное, все дело было в том, что я была уже необычайно зла из-за того, что ничего не получается. Ничем иным я не могу объяснить то, что с моей руки сорвался не тонкий лучик, а настоящий огненный шквал, поджегший не только фитиль, но и стол и тяжелые бархатные гардины за ним. Судя по звону стекла, окно за гардинами пострадало тоже. Стекланный колпак от керосиновой лампы, задетый лишь самым краем моей магии, повис прозрачной соплей со столешницы, совсем как часы на картине Дали.

Гардины радостно запылали, а я от страха завизжала на весь дом. К чести Владимира Викентьевича, появился он буквально через пару секунд. И вид его меня настолько удивил, что я застыла, приоткрыв рот, которым набирала воздух для новой серии визга. Ибо был целитель в ночной рубашке с колпаком на голове.

Несмотря на неподобающий вид, Владимир Викентьевич действовал уверенно, потушил огонь щелчком пальцев. Следующим

щелчком зажег огонек над головой и внимательно осмотрелся, не опуская руки, на которых подозрительно светилось что-то красное. Однако,

не так-то прост хозяин дома.

— Где они? — шепотом спросил Владимир Викентьевич, воинственно ворочая острой бородой по сторонам, словно это было тайное оружие, которому стоит только указать цель, а дальше оно расправится

с противником по своему усмотрению.

— К-кто? — так же шепотом уточнила я.

В себя от созерцания его одежды для сна я уже пришла. В конце концов, если он сам считает, что нет ничего необычного, то мне, с моими провалами в памяти, тоже нужно делать вид, что все совершенно нормально.

— Те, кто на вас напал.

— На меня никто не нападал. Это я.

— Что вы? — С его руки слетела тонкая зеленая паутинка, раскинувшаяся по всей комнате и почти сразу истаявшая. — Не хотите ли вы сказать, Елизавета Дмитриевна, что пожар — ваших рук дело?

— Я не хотела. Просто было темно, я решила зажечь лампу. И вот. Простите, ради бога, Владимир Викентьевич, — я всхлипнула. — Я даже представить не могла, что все так случится.

— Погодите. — Он придвинул к себе стул, явно собираясь на него сесть, но стул, впрочем, как и все остальное, был покрыт слоем сажи и непременно бы испачкал ночнушку целителя, поэтому тот лишь недовольно на него поглядел и отодвинул. — Вы хотите сказать, что сами создали огненный шторм?

— Я не хотела. Так получилось, — покаялась я. — Я всего лишь пыталась
зажечь лампу.

А вместо этого зажгла стол и шторы. Боюсь, ни то, ни то теперь иначе как для растопки использовать было нельзя, да и то, то, что осталось, долго гореть не будет даже традиционным способом: на шторах сохранились лишь края, а стол прогорел до состояния угля.

— То есть вы вспомнили, как призывать магию? — обрадованно уточнил Владимир Викентьевич, потом посмотрел на разгром в комнате, понял, что поторопился, и уточнил куда более мрачно: — Хотя что-то вы вспомнили, Елизавета Дмитриевна?

Я отдала должное его выдержке. Я разнесла одну из комнат дома, а владелец не только не говорит, что думает о моем умственном

развитии, а находит в себе силы на спокойную и вежливую беседу. И даже чему-то радуется.

— Я ничего не вспомнила. Но я подумала, что, если представить

огонь,

идущий от руки, можно зажечь фитиль на лампе. Вот и...

— То есть вы использовали сырую силу, — укорил он. — Это совершенно

нерационально.

За его спиной появилась заспанная горничная, в тесно запахнутом халате. И вид у нее, несмотря на заспанность и халат, был настолько респектабельный и неодобрительный, что я сразу вспомнила, что на мне только ночная сорочка и быстро набросила на себя халат, сиротливо висевший на спинке кровати. И что мешало мне это сделать до начала моих магических изысканий? Или даже вместо?

— Владимир Викентьевич, что случилось?

— Артефакт криво сработал, — неожиданно ответил он, показывая мне знаком молчать. — Был при Елизавете Дмитриевне. Наверное, преступники испортили, а мы, увы, не проверили. Подготовьте барышне другую комнату. Эта пока для жилья непригодна. Я сейчас переоденусь и подойду. Все равно уже пора вставать.

Меня сопроводили в комнату с другой стороны от библиотеки. Собственно, заселение ничем не отличалось от того, что было с вечера, разве что части вещей я недосчиталась. Из книг остался только томик стихов с закладкой из волковской фотографии. Интересно, я ему хоть немного нравилась?

В одиночестве я долго не просидела. После деликатного стука появился Владимир Викентьевич, одетый словно на прием, даже борода была расчесана волосок к волоску. Наверное, настоящий практикующий маг должен быть очень аккуратен, чтобы не допустить того,

что случилось в моей, теперь уже бывшей, комнате.

— Я непременно все возьму, — залепетала я.

— Ой, да что там возмещать, Елизавета Дмитриевна? — успокаивающе забормотал Владимир Викентьевич. — Даже не переживайте. Я все равно собирался целиком менять обстановку в той гостевой, да все руки не доходили, так что теперь только поблагодарить могу за помощь. Но имейте в виду, Елизавета Дмитриевна, что ремонта в других комнатах у меня в планах нет, поэтому убедительно прошу вас быть поосторожней.

— Почему вы сказали горничной про артефакт?

— Незачем ей знать все, что происходит в доме, — отрезал он и

неожиданно предложил: — А давайте-ка мы, Елизавета Дмитриевна, пройдем в библиотеку? Сядем со всеми удобствами, поговорим. И я вас опять обследую.

Он подхватил меня и потащил в соседнюю комнату с такой скоростью, что я опомнилась уже там, сидя на стуле напротив него, и тут же спросила:

— Что-то случилось?

— Возможно, — уклончиво ответил он и вперился в меня чуть расфокусированным
взглядом.

Теперь я видела не только зеленое свечение на его руках, но и тонкие полупрозрачные структуры, наверняка диагностические. С такими способностями и томограф не нужен. Томограф? Я даже успела вспомнить, что они бывают двух типов, но все это тут же вылетело из головы, поскольку целитель вздохнул и сказал:

— Странная картина, Елизавета Дмитриевна. Сильное потрясение действительно может вызвать рост магии, но он никогда не бывает таким... лавинообразным. Вашу матушку беспокоил ваш уровень, и она тщательно следила за обязательным выполнением вами нужных упражнений, но они не давали не то чтобы значительного прироста, вообще никакого. И тут вдруг такой скачок.

— Возможно, усилия складывались, складывались и... — Я протянула руку, но тут же вспомнила сорвавшийся с нее огненный шквал и торопливо ухватила второй: как-никак, мы сейчас в библиотеке и урон от меня может оказаться куда больше, чем шторы и письменный стол. — А сейчас-то что мне делать?

— Заниматься. Я вам покажу пару упражнений по контролю — Он осмотрелся, и наверняка сразу подумал о моей потенциальной разрушительности. — Но не здесь. У меня есть небольшое экранированное помещение в погребе.

— В погребе? — я невольно хихикнула, представив длинные ряды полок с огурцами, спекаемые моей огненной волной в одну
стеклянную
стену.

— А что в этом смешного, Елизавета Дмитриевна? — удивился Владимир Викентьевич. — Ах, да, вы же наверняка не помните, что чем больше слой земли, тем легче ставить ограничивающие контуры.

— Увы, про контуры я действительно ничего не помню, Владимир Викентьевич, — смущенно признала я. — Зато при слове «погреб» появляются вполне конкретные картинки с продуктовыми запасами.

— Это тоже есть, но в другой его части, — согласился целитель.

– Пойдемте.

– Сейчас?

– Разумеется. До завтрака мы вполне управимся, Елизавета Дмитриевна. А то вы слишком активно начали восстанавливать забытые возможности. Что вас вообще заставило спешить со столь серьезным делом?

– Я не подозревала, что оно настолько серьезное. То есть, напротив, то что оно серьезное, я понимала, а вот что настолько опасное – нет. А как с этим справляются дети?

Владимир Викентьевич двигался весьма шустро для своего возраста, я еле за ним поспевала. Но это не мешало ему отвечать на мои вопросы, которых было куда больше, чем я могла озвучить.

– Магия растет с возрастом, поэтому к вашим годам маг обычно понимает, что делает, а в два-три года разве что искорку выпустит. Достаточно присмотра няни даже с небольшим уровнем магии. Но у вас, Елизавета Дмитриевна, уровень теперь не тот, что был раньше и требует осторожности. Да и организму подстроиться стоило бы дать. – Он помолчал, но не долго, и неожиданно сказал: – Мне кажется, Елизавета Дмитриевна, что покушение повлияло на ваш характер. Существует гипотеза, что сила магии зависит от силы характера, и на вас она нашла подтверждение. Вы очень изменились. Манера поведения, выражения, даже взгляды совсем другие. Если бы я не видел вашу ауру, мог бы заподозрить, что на вашем месте кто-то другой.

– Но какое-то объяснение у вас есть?

– Разумеется, Елизавета Дмитриевна. На вас влияет рост уровня магии.

– И если магия пропадет, то я опять стану слабой и безвольной особой?

Волевой я себя и не чувствовала, напротив, мне казалось, что сейчас я позволяю себе плыть по течению, вместо того, чтобы разобраться

в том, что происходит, и отказаться от опеки целителя.

– История знает такие примеры, – подтвердил Владимир Викентьевич. – Но люди, теряющие магию, теряют и интерес к жизни, так что безволие может оказаться связанным и с этим.

Он наклонился и распахнул люк, ранее не замеченный мной на полу. Вниз, в темноту и сырость уходила узкая лестница. И не слишком длинная: похоже, в погребе выпрямиться во весь рост сможет не каждый.

– Прошу вас, Елизавета Дмитриевна.

Спускалась я, постоянно пытаюсь наступить на подол и грохнуться с лестницы. Кажется, я отвыкла от юбок. И когда только успела? В лечебнице находилась всего ничего. Твердый пол под ногами я ощутила с огромным облегчением, сразу отошла, чтобы не мешать спускаться целителю и осмотрелась. Ожидавшихся стеклянных банок не было, вместо них стояли горшочки, коробочки, ящики и бочки. Впрочем, баночки тоже были – маленькие, явно с лекарственным наполнением, стояли в двух небольших шкафах со стеклянными дверцами, которые казались чем-то инородным в окружении мешков с картошкой. Но заинтересовали меня не они, а дверь, обнаружившаяся за одной из полок.

Помещение за ней было совсем крохотным, и большую его часть занимал стол с химической посудой, над которым пристроилась вытяжка. Владимир Викентьевич захлопнул дверь и провел по ней рукой. Теперь руку окутывало голубое сияние, слившееся со сложным узором на двери. С двери сияние перешло на стены, пол и потолок. Создавалось впечатление, что мы находимся в клетке со сложным переплетением

прутьев.

– А выйти мы сможем? – невольно вырвалось у меня.

– А что вас убеждает в обратном? – удивился Владимир Викентьевич.

– Голубые линии вокруг.

– Они не позволяют вырываться магии. Вы сами при желании можете спокойно выйти, нарушив при этом целостность полога. Попробуйте, если опасаетесь.

Мне очень хотелось сказать, что я полностью доверяю целителю, но это было не так: я никому не доверяла, мало ли что мне могут рассказывать. Поэтому я все же прошла к двери и открыла ее. Голубое сияние погасло, а я убедилась, что при желании легко могу выйти.

– Извините, Владимир Викентьевич. Но все это так непривычно.

– Вы видите только цвет? Или больше? – уточнил он, опять активировав

защиту.

– Еще рисунок. – Я изобразила на некотором расстоянии от двери подобие того, что видела на ней. – Примерно вот такой. Когда вы лечите, там более тонкие... плетения.

Почему-то показалось правильным использовать именно это слово.

– Замечательно, – расцвел он. – Елизавета Дмитриевна, вы не

представляете, как вам повезло. Но для начала все же разберемся с контролем.

С контролем мы разбирались долго. Так долго, что горничной пришлось напоминать о завтраке три раза. Оказалось, очень сложно выдавливать по капле, если за «заслонкой» бушует целое море. А оно именно бушевало. Как пояснил Владимир Викентьевич, это последствия

продолжающегося роста.

На завтрак я уходила даже с облегчением, но и после него была полна энтузиазма заниматься дальше. Но Владимир Викентьевич заявил,

что мне необходим отдых, а ему – посещение лечебницы.

– Но вечером?.. Владимир Викентьевич, мы же продолжим вечером?

– Завтра утром, – твердо решил он. – Не раньше.

Перенапряжение для вас, Елизавета Дмитриевна, может быть опасно.

– И чем мне заниматься весь день? – мрачно спросила я.

– Только не магией, – торопливо бросил он. – Хотя можете что-нибудь почитать по этой теме в библиотеке. Главное – не практикуйте без меня, даже если очень захочется. Конечно, я активирую защиту, но она весьма энергозатратна, так что надеюсь на ваше благоразумие, Елизавета Дмитриевна.

И действительно, перед уходом он сделал так, что дом для меня засиял, как новогодняя елка: целой кучей разноцветных линий и огоньков в местах их пересечений. Подозреваю, что там была защита не только от пожара, но и от потопа, резкого роста картофеля и даже вспенивания квашеной капусты в кадке. Последняя меня не привлекала ни в каком качестве, но разве я могла бы убедить в этом целителя, переживающего за собственное жилище?

И я уже совсем было собралась провести весь день в библиотеке в компании выданных томиков с интригующими названиями: «Магия для самых маленьких», «Огонь, Вода и Земля в картинках», «Развитие мелкой моторики на примере плетений из группы Огня» и

«Самоконтроль и медитация». Но планам моим исполниться было не суждено, потому что я даже картинки не все пересмотрела, когда появилась Оленька Хомякова с радостным известием:

– Я договорилась с парой девочек из класса. Поиграем у нас вечером в лото, заодно все тебе про школу расскажем. Все, что ты забыла.

– Но...

– Никаких но. Я даже с братом договорилась, что он вечером тебя привезет и отвезет. Он немного поворчал, что, мол, в отпуске не для того, чтобы возить туда-сюда посторонних девиц, но потом согласился.

– А без брата обойтись нельзя? – почти смиряясь с неизбежным, спросила

я. – Я так дойду.

– Зачем доходить так, если у нас есть машина? – чуть нарочито удивилась

Оленька.

Все-таки интересно, Юрий Волков мне подарил фотографию сам, выдал под давлением сестры или вообще не в курсе, что у меня есть его изображение? Там, конечно, есть надпись, но кто знает, писал ли он сам, а если да, то какой Лизе...

Глава 5

Оленька не задержалась, поскольку торопилась в гимназию, но пообещала непременно сообщить мне домашнее задание и помочь подготовиться к следующему дню, потому что «все равно придется идти на учебу, так чем раньше – тем лучше». Я ее энтузиазма не разделяла и намекнула, что у меня пострадали учебники, а это, несомненно, знак свыше, что занятия – не самое мне сейчас необходимое. С другой стороны, этак можно додуматься, что сохранившаяся книга с фотографией тоже знак, но об этом я благоразумно умолчала, решив никому не говорить, пока не разберусь сама, связывали ли меня какие-нибудь отношения с Юрием.

– Думаю, это последняя мелкая неприятность перед даром судьбы. Большим даром, просто огромным, – неожиданно уверенно заявила Оля, разведя руки в стороны, чтобы показать размеры того дара, который вскоре на меня свалится. – Лиза, мы же друг другу слово дали – вместе до конца.

– До какого конца? – подозрительно уточнила я, памятуя, что он у

меня недавно едва не случился.

– Победного, разумеется. Мы им еще всем покажем. – Олечка потрясла кулачком прямо у меня перед носом, непонятно кому угрожая.

– Не волнуйся, я помню за обеих.

Я, напротив, заволновалась, поскольку предпочитала помнить за себя сама. Конечно, Владимир Викентьевич утверждал, что мы с Оленькой подруги, но это совершенно недостаточно для того, чтобы верить всему, что она говорит.

– Я побежала, а то опоздаю.

Она звонко чмокнула меня в щеку и унеслась, на бегу еще раз пообещав, что мы вместе сделаем домашнее задание. Впрочем, я и без всяких ее обещаний была уверена, что мы еще сегодня увидимся.

Рабочее настроение сбилось напрочь, и мысли перешли к фотографии ее брата, которого я сегодня увижу. Я вытащила карточку из книги и принялась разглядывать, пытаюсь поймать хотя бы тень тех чувств, что к нему испытывала. А я наверняка испытывала, иначе не стала бы прятать фотографию в любимой книге. Если, конечно, ее

прятала именно я. Нет, конечно, изображенная персона была хороша и я вполне могла в нее влюбиться, тем страннее это навязчивое желание подруги нас свести. Так ничего и не надумав, я захлопнула томик и все-таки вернулась в библиотеку, изучать «теорию магии», если так можно говорить об основах для детей.

Неожиданно я увлеклась. Весьма вероятно, сыграло свою роль то, что мне это казалось интереснейшей сказкой. Некоторые приемы хотелось проверить сразу. Очень хотелось. Останавливало только данное Владимиру Викентьевичу обещание не практиковать без него. Наверное, это единственно правильный подход. Я пока даже не знаю, как буду расплачиваться за разнесенную комнату, в которой с утра побывал стекольщик и заменил разбитое стекло. И пока это были все восстановления.

Владимир Викентьевич пришел к обеду и сразу прошел в библиотеку, где с огромным облегчением убедился, что я ничего больше не сожгла, а тихо-мирно изучала картинки в выданных книгах. К предложению Оленьки он отнесся с огромным энтузиазмом, проистекавшим, скорее всего, из размышлений, что скучающий необученный маг опасен не только для себя, но и для окружающих, а также для жилья этих самых окружающих. Также он заявил, что с его стороны нет никаких возражений против посещения мной занятий в гимназии, если я поберегусь от физических нагрузок. Они пока для меня точно лишние.

Не успел он уйти опять в лечебницу, как появилась Оленька, горящая энтузиазмом помочь разобраться со сложной гимназической программой, для чего ею были принесены учебники, о потере которых я

столь непредусмотрительно сообщила утром.

– Мы решили скинуться всем классом, – гордо заявила она, вручая мне стопку перевязанных ремешком книг. – Даже на тетради хватило. И дневник.

– Спасибо, – выдавила я, осознав масштабы приближающейся катастрофы.

Такая огромная стопка – и все придется учить? Но я совсем

ничего не помню! Как бы не посчитали уровень моих знаний достаточным только для первого класса. Ведь нигде не сказано, что гимназия обязана отрабатывать оплату за обучение в конкретном классе.

— Начнем с самого сложного — математики, — решительно объявила Оленька, положив конец моей панике. — У меня самой с ней не очень хорошо, так что если не справимся, девочки вечером помогут. Выяснилось, что с математикой плохо только у Оленьки, у меня, напротив, хорошо. Правда, создавалось впечатление, что я вспоминаю что-то давно забытое, знания всплывали, словно пузыри воздуха на болоте: медленно и неохотно. Но главное, всплывали. Я

приободрилась. И совершенно напрасно, поскольку когда речь дошла до истории, всплывать ничего не захотело. Вот совершенно. Казалось, все эти имена и даты вижу впервые, хотя подруга говорила, что

историю я знала на отлично.

— Не переживай, — оптимистично заявила Оленька, переписывая решенные мной задачи в свою тетрадь. — Еще вспомнишь. Если уж математику вспомнила, то историю — само собой. В самом плохом случае выучишь нужное до экзамена.

— До экзамена?

— Разумеется. Мы же каждый год сдаем, летом, — широко раскрыла глаза Оленька в ответ на мое удивление. — Хорошо, что этот год последний. В гимназии, конечно.

Она гибко потянулась и потрясла перед собой измазанными в чернилах пальцами. Ручку мы заправляли вместе, поскольку этот навык я утратила точно так же, как и знания по истории, и теперь мы обе красовались синими пятнами в самых неожиданных местах. Так, с кончика носа пятно мне удалось удалить только после многократного намыливания и трения, и то — легкая голубизна все равно осталась. Я огорченно потерла нос, что сразу же отметила Оленька и сказала, что голубой цвет мне всегда шел, после чего гнусно захихикала. Такой смех спускать я не собиралась.

— Думаешь, я твоему брату больше понравлюсь с синим носом?

— провокационно спросила я. —

Поэтому меня и измазала?

— Я? Да ты сама перемазалась, словно никогда ручку в руках не держала, — возмутилась Оленька. — Еще и меня перемазала.

Я еще раз поразилась странной амнезии: что-то вспоминалось легко и просто, а что-то казалось совершенно чуждым, незнакомым, хотя окружающие были уверены, что уж это я должна была знать с раннего детства. Взять ту же ручку — я понятия не имела, как к ней подойти, пока подруга не показала. Да и когда показала, создалось

впечатление, что я поняла, а не вспомнила, как это было с математикой.

— Кстати, о моем брате... — спохватилась Оленька. — Он же уже должен

был подъехать. А мы сидим, время

тянем. Он же разозлится. —

Она чуть поежилась, из чего я заключила, что хомяк в гневе — страшный зверь, во всяком случае для сородичей. — Собираемся и выходим. А то подождет и уедет без нас.

Она подхватила, сгребла свои тетради и потянула меня на выход. Что-что, а делать что-то неторопливо и размеренно Оленька не умела. Тормошила она и меня до тех пор, пока я не сдалась, натянула пальто и побежала с ней. Все-таки Владимир Викентьевич прекрасный целитель: еще вчера я с трудом ходила, а сегодня, казалось, даже танцевать смогу. Танцевать? Я на миг задумалась: а смогу ли? Я понятия не имею, умею ли танцевать.

Удивительно, но у ворот целительского дома действительно стоял автомобиль, весьма неожиданный с учетом того, что до этого я видела только экипажи спряженными в них лошадьми. Впрочем, колеса у него скорее подходили как раз какой-нибудь пролетке, чем солидному тяжелому лимузину. Возможно, из-за них и легкого брезентового верха, машина выглядела не слишком серьезно, хотя блестящие черные бока и красные, явно кожаные сидения намекали, что модель совсем не бюджетная. Возле автомобиля, восхищенно разинув рот, крутилась парочка мальчишек, и отгонять их было некому, поскольку за рулем никто не сидел. Брат Оленьки обещание выполнил, машину пригнал, а сам испарился в неизвестном направлении.

— И где он? — возмущенно спросила подруга, притопнула нетерпеливо ногой, повертела головой вправо-влево и скомандовала:

— Стой здесь. — После чего целеустремленно потопала в одной ей известном направлении.

А я осталась в компании мальчишек, и мне, почти так же как им, хотелось провести пальцем по гладкому полированному боку, потрогать на капоте фигурку льва, стоящего на задних лапах, грива которого казалось развевающейся от сильного встречного ветра. Впрочем, вряд ли этот раритет способен на высокие скорости, которые так любит Светка. Светка?..

— Нравится автомобиль? — сбил меня с мысли незнакомый голос.

— Нравится, — согласилась я. — Я вообще люблю древние автомобили.

Подошедший офицер был блестящ ничуть не менее этого

транспортного средства. Особенно в районе сапог. При желании, смотрясь в них, можно было бриться, чем мой собеседник наверняка не пренебрегал. Впрочем, вполне возможно, что по молодости у него просто ничего не росло на лице. Или росло, но неопрятными клочками. У блондинов небритость плохо заметна. Хотя конкретно этого при должном воображении можно было назвать и рыжим. Правда, я его особенно разглядывать не стала. Убедилась, что это точно не Юрий Волков, и отвернулась. Не было у меня желания заводить

новые знакомства, здесь бы со старыми разобраться.

— С чего это он древний? — возмутился подошедший. — Эта модель только в прошлом году начала выпускаться.

Наверное, это друг Юрия. Иначе с чего бы ему так переживать за чужую машину? Но обида была искренней и требовала хоть какой-то реакции с моей стороны.

— Извините, я совершенно не разбираюсь, — примиряюще сказала

я. — Но она очень красивая. Вся такая блестящая...

— Блестящая, — передразнил он меня, — что бы вы понимали.

Там четырехступенчатая коробка передач.

— Оу, — неопределенно протянула я, не зная, насколько это должно

было меня впечатлить.

Сделала я это совершенно зря, поскольку юноша посчитал это авансом и разразился восторженной речью по поводу особенностей современных автомобилей, из которой единственное, что я поняла: четырехступенчатая коробка — предмет гордости владельца и зависти тех, кому такое счастье не досталось. Ни

Оленьки, ни Юрия пока не было, поэтому пришлось делать вид, что выслушиваю лекцию, и периодически восхищенно округлять глаза, поскольку от меня даже междометий не требовалось. На самом деле мыслями я была весьма далека от отечественного автомобилестроения. Я ужасно нервничала перед встречей с братом Оленьки, с которым у меня что-то было. Или не было. В любом случае я ничего не помнила и не знала, как правильно себя вести. Почему-то казалось, что если что-то было, то он непременно бы меня навестил. Или все дело в том, что я ничего и никого

не помню, о чем его известила сестра?

— Болтаете? — радостно спросила подошедшая Оленька. — Николай, как тебе не стыдно заставлять нас ждать. Лизанька еще плохо себя чувствует.

Она взяла меня под руку и сурово посмотрела на... брата? Господи, и почему я решила, что тот брат, что за мной приедет, — именно Юрий Волков? Там же в семье из Волковых только один сын. Остальные — Хомяковы, и их куда больше.

— Я отошел только за газетой, — начал оправдываться Николай, похлопал ею, сложенной в трубочку, по голенищу, не иначе как в знак доказательства своих слов, и сразу перешел в нападение: — А тебя мы уже ждем намного больше.

Как-то так перешел, что я сразу заподозрила, что Оленька на самом деле никуда не отходила, а подглядывала из-за угла, надеясь, что мы с ее братом скорее найдем общий язык в ее отсутствие. На подругу я посмотрела с суровым укором, но она ничуть не смутилась.

— Можно подумать, ты скучал, — фыркнула она. — Поди надоедал

Лизе рассказом о своем замечательном приобретении.

— Она неудовольствия не выражала.

— Разумеется. Лиза — воспитанная девушка, — припечатала Оленька. — И ты этим подло воспользовался, поскольку дома тебя никто уже слышать не может.

— Я развлекал твою подругу в то время, как ты шлялась неизвестно где, — припечатал Николай. — И вместо извинений и благодарностей

с твоей стороны вижу неоправданные нападки.

Вид при этом он принял необычайно страдальческий, словно с его стороны было огромной жертвой посвятить меня в сложности коробок передач.

— Почему это неоправданные?

— Потому что, — отрезал он. — И вообще ради помощи тебе я отложил свои дела. Важные, между прочим.

— Право слово, не стоило, — вмешалась я. — Уверена, мы с Оленькой прекрасно дойдем сами, как я ей и предлагала. — Более того, я уверена, что за то время, что ругаются брат с сестрой, мы бы уже дошли до их дома. — Извините, Николай, за беспокойство.

Я потянула подругу за рукав, но она словно вросла в мостовую.

— Он нас пообещал довезти, — уперлась она. — И что теперь?

Скажут, что Хомяковы не держат слово?

— Хомяковы слово держат, — Николай зло распахнул дверцу рядом

с передним сидением. — Прошу вас, Лиза.

Последнее он почти прорычал, словно лев в прерии, я испуганно метнулась в машину и, уже когда села, поняла, что лучше было бы устроиться сзади, рядом с Олей. Но, как выяснилось, ее брат усаживать вообще не собирался: лихо запрыгнул на кресло водителя и тронул

с места, ехидно бросив сестре:

— Я обещал довести твою подругу, а не тебя.

Машина покатила не слишком быстро, но все же недостаточно медленно, чтобы Оленька могла нас догнать, не срываясь на бег. Впрочем, она и не попыталась, а физиономия у нее не сказать, чтобы была разочарованная, что сразу навело на мысль, что в этом и заключался тайный Олечкин план по увлечению ее брата и меня другим. Действовать в соответствии с ним я не собиралась.

— Николай, немедленно остановитесь, — потребовала я.

— Я обещал вас довести и довезу, — буркнул он, не поворачиваясь.

— Если вы не остановитесь, я выпрыгну из машины.

— Вы мне показались довольно разумной особой, — укоризненно сказал он, и не подумав меня послушать. — Вы же можете переломаться.

Или вообще свернуть шею.

Пришлось зайти с другой стороны:

— А вы не думаете, что меня компрометируете? Проедете еще пару метров — и ваша сестра заявит, что вы меня похитили и теперь обязаны жениться.

— Что? — не иначе как от неожиданности он все-таки затормозил, и, обернувшись, я с облегчением увидела, что Оленька меня не бросила и сейчас быстро идет к нам, воинственно размахивая руками. — Кто меня может обязать жениться на подруге сестры?

— Кроме того, что я подруга сестры, я еще одинокая красивая девушка. Если вы не заметили, ваша сестра уже не маленькая девочка.

— Да? — поразился Николай.

— Да, — твердо ответила я.

Он повернулся и стал недоверчиво меня разглядывать. Захотелось срочно поправить, если не прическу, которая была весьма проста, то уж бант, увенчивающий косу, точно. Но я сдержалась и лишь

вызывающе посмотрела. Если уж для его старшего брата я девушка, то

для него и подавно. Впрочем, фотографию мне могли подарить и как восторженной

подруге сестры. Как же плохо ничего не помнить!

— А ведь точно, Лиза, вы выросли, — заявил он с таким видом, словно намеревался сказать, что я себе безбожно льщу, и лишь в последний момент передумал. — И все-таки вы остаетесь подругой моей сестры.

— Кому это когда мешало, — возразила я. — Для Ольги это будет еще и дополнительным аргументом.

— Точно! — Николай неожиданно расхохотался, хлопнув руками по рулю. — А я-то думал, почему она...

— Почему она что? — подозрительно уточнила я.

Впрочем, я и без того догадывалась, что обработка идет по обеим фронтам.

— Неважно, — небрежно бросил он, с новым интересом меня разглядывая.

Я поняла, что неправильно выбрала направление разговора: если раньше он ко мне относился как к досадной навязываемой помехе, то сейчас начал воспринимать в новом качестве, чего как раз и добивалась

Оленька. Как же непросто с этими Хомяковыми!

Подошедшая подруга набросилась на брата с упреками. Но чем она была раздосадована: тем, что уехали без нее, или тем, что все-таки дождались, — было весьма сложно понять. Но насторожилась я только тогда, когда Николай объявил, что в знак извинения готов посвятить этот вечер нам, отложив запланированные дела. Почему-то мне сразу вспомнилось Оленькино утверждение, что Хомяковы всегда добиваются того, чего хотят. Встал весьма актуальный вопрос: как сделать так, чтобы желания разных Хомяковых друг друга уравновесили

и я вышла из этой неприятной ситуации без потерь?

Глава 6

Почему-то ожидала встретить у Хомяковых весь класс и внутренне уже готовилась к валу вопросов, на которые у меня ответов не было и быть не могло. Но Оленька предусмотрительно ограничилась только двумя девушками: Анной Строговой, о которой

она уже говорила, упоминая о аппетите и размерах, и Тamarой Яцкевич, которая на фоне одноклассницы совершенно терялась, поскольку была миниатюрна, бледна и светловолоса. Зато красок Строговой хватило бы на них обеих: яркая брюнетка, которая не нуждалась ни в каких косметических ухищрениях. Впрочем, даже не будь она столь яркой, вряд ли осталась бы незамеченной где-либо, ибо когда Олечка ее описывала, несколько преуменьшила габариты. Подозреваю, не из вежливости, а из-за того, что олечкины руки просто не могли растянуться на нужную длину. К такой гимназистке не обратишься: «Анечка», только «Анна», да и то к имени непременно хотелось прибавить отчество.

— Ты совсем ничего не помнишь? — глубоким грудным голосом участливо

спрашивала она.

— Не совсем, — ответила за меня Оленька. — Цифры и буквы помнит, читать может и считать тоже. Представляете, Лиза сегодня математику решила минут за десять.

— Не может быть! — пискнула Тамара.

— Может-может, — важно подтвердила Оленька. — Но вот по истории не помнит совершенно ничего. Даже чем знаменит Олег Второй.

На меня так посмотрели, что я сочла нужным оправдаться:

— Я и вас никого не помню.

— И меня тоже? — удивился Николай.

От своих слов отказываться он не стал, и, привезя нас с Оленькой в дом Хомяковых, никуда не ушел и притворялся, что ожидающаяся игра в лото — необычайно привлекательное времяпрепровождение. Не слишком хорошо притворялся, поскольку временами в его словах и движениях

проскальзывала снисходительность, характерная для взрослых, когда они общаются с малышами. Из малышей пока были

только мы, поскольку из его семьи никто к нам не выходил, даже Юрий, и я сидела как на иголках в ожидании встречи, неизвестно, насколько приятной.

— А чем вы лучше Олега Второго? Если уж я забыла столь выдающуюся

личность, то сам бог велел забыть менее значительные.

— Какой бог? — деловито уточнила Анна. — Может, если правильно

к нему обратиться,

согласится вернуть память?

Теперь уже пришла моя очередь удивленно таращиться. Я так и не уточнила у Владимира Викентьевича, что он имел в виду, говоря

«боги», и теперь по всему выходило, что богов тут несколько, как минимум два. А если к ним еще и правильно обращаться, то они могут выполнить

просьбу.

– Это образное выражение, – пояснила я. – Целитель, которого приглашал Владимир Викентьевич для консультации, сказал, что память вернуть невозможно и вообще у меня полностью стерта личность,

а значит, я никого из прежней жизни не вспомню.

– Какой ужас, – впечатлительная Тамара шмыгнула носом.

– Но математику же ты вспомнила? – в отличие от одноклассницы, Анна не страдала, а пыталась найти решение. – Возможно, вспомнишь и остальное?

– Пока я вспомнила только математику. А так... Я даже не помню, что как устроено. Поэтому наверняка буду говорить и делать глупости.

– Ой, да кто их не делает, – Оленька легкомысленно махнула рукой и хихикнула. – Я вон все помню, но глупости мне это не мешает

делать.

– Это точно, – чуть покровительственно подтвердил Николай. – Но то, что не помните, можно выучить заново. Главное – живы остались, все остальное нарастет.

– Именно, – подтвердила Анна. – Просто нужно точно выяснить, чего ты не помнишь, и постараться с этим разобраться побыстрее.

– Проще выяснить то, что помню. Я же совершенно ничего не помню. Даже то, что Оля – моя подруга, мне сообщил Владимир Викентьевич. И что у вас семья оборотней – тоже. Признаться, мне до сих пор в это не верится.

– Во что? – спросил Николай.

– В существование оборотней.

– Так вот же мы! – удивленно всплеснула руками Оленька.

– Самые настоящие, – подтвердил Николай.

– Выглядите вы, как самые обычные люди, – пояснила я. – Но оборотни, они же должны превращаться в зверей?

– Мы и превращаемся, – несколько недоуменно ответил Николай. – Что тут странного, Лиза?

– Все странное. У меня в голове не укладывается, как это вообще происходит. Вот вы, Николай, можете показать?

По установившейся после моих слов тишине и легкому румянцу смущения на лице брата Оленьки я поняла, что спросила что-то не то. Что-то неприличное для обсуждения в обществе. Но если сама тема не под запретом, то что такого я сказала? Мне действительно было совершенно непонятно, как из высокого широкоплечего молодого офицера получается маленький пушистый шерстяной комок. Не может такого быть, и все!

– Ой, – наконец отмерла Оленька, чему-то необычайно обрадовавшаяся. – Ты хочешь увидеть его Зверя?

Зверя? Это она так сейчас про хомячка? Хомячков я видела. Кажется, у меня даже была парочка в детстве, но я сейчас ни в чем не уверена. Да и хотелось мне совсем не этого.

– Я хочу увидеть, как вообще проходит превращение, – несколько растерянно ответила я. – Но кажется, я что-то не то хочу.

– Не то – это мягко сказано, – хмыкнула Анна. – Все знают, что оборотню, чтобы превратиться, нужно полностью раздеться. Поэтому такие слова, как твои, это...

Она замялась, не решаясь сказать что-то вроде «приглашение к более тесному общению», но я и без того ее поняла.

– Почти объяснение в любви, – жизнерадостно закончила за нее Оленька. – Просьба показать Зверя – это очень личная просьба, понимаешь?

– Теперь понимаю. Извините, Николай, я ничего такого не хотела, – окончательно испугалась я.

А то действительно покажут хомячка, а потом выяснится, что я теперь обязана что-нибудь их семейству в ответ. Нет уж, лучше пока обойтись без столь ценного знания. В крайнем случае, если любопытство никуда не денется и будет меня глодать изнутри, в

книжках у Владимира Викентьевича что-нибудь да найдется для его удовлетворения. Возможно, даже в тех, что предназначены для малышей. Наверняка не у одной меня возникает такой вопрос.

– Ничего страшного, – ответил Николай, уже полностью пришедший в себя после моего неприличного предложения. –

Поначалу

я действительно удивился,

но...

– Я просто ничего, совсем ничего не знаю об оборотнях. Но теперь поняла, что про вторую половину личности лучше ничего не спрашивать.

Что еще мне надо знать?

– Про оборотней или вообще? – уточнила Анна.

У этой девушки подход был весьма деловой, что радовало. Она не разменивалась на сострадание и сожаления, а сразу прикидывала, что можно сделать и как это сделать наилучшим образом. Пожалуй, я поняла, почему именно ее пригласила сегодня Оленька.

– Вообще. Я даже не знаю, как к кому обращаться или что сколько стоит. Так что чем больше вы мне подсказываете, тем лучше, – я постаралась улыбнуться, хотя мне было совсем невесело.

– Мы подскажем, – робко бросила Тамара.

– Конечно, подскажем, – согласилась Анна. Сурово так согласилась, что захотелось вытянуться в струнку и сказать: «Так точно, командир». Даже Хомяков подобрался. Впрочем, он-то как раз мог просто придвинуться, чтобы ничего не пропустить. – А пока поменьше болтай, чтобы не попасть опять в такую же ситуацию. С оборотнями вообще сложно. Хорошо, что их мало.

– Мало? – удивилась я. – Я думала...

– Мало, – подтвердила Оленька. – В нашем классе только я.

– Мало, – добавил Николай. – В наше городе хорошо если пара десятков

наберется.

Выражение, с которым он произносил эту фразу, ни с чем не спутать – законная гордость происхождением. Конечно, я поняла, что оборотни тут на особом счету, но гордиться тем, что ты хомяк?

– Рысьины и Хомяковы? – невольно съязвила я.

– О нет, княгиня Рысьина или кто-нибудь из ее клана бывают тут редко. Так что в большинстве только Хомяковы, – гордо заявил представитель этого семейства.

Словно превращался не в маленького безобидного пушистого грызуна,

а в огромного грозного

хищника. Кстати о хищниках...

– Владимир Викентьевич говорил, что у вас в семье один

Волков, — удачно вставила я, понадеявшись, что наконец этот самый Волков появится и я перестану мучиться от неопределенности наших отношений. То есть с моей стороны там все определенно и ничего нет, а со стороны молодого человека возможны варианты. И эти варианты хотелось бы прояснить как можно скорее.

— Да, Петя, но его сейчас нет.

Скрыть, что ответ поразил меня до глубины души, не сумела, невольно переспросив:

— Петя?

Тогда кто же такой Юрий? И почему я вообще решила, что он оборотень? Потому, что посчитала: его фотографию подбросила Оленька в доказательство, что у меня с ее братом что-то было? Но теперь понятно, что она этого не делала.

— Папа сказал, пусть от него хотя бы имя достанется, если уж фамилию не передать, — притворно вздохнул Хомяков.

— Зато мама, наверное, была рада? — предположила я, попутно пытаюсь

сообразить, стоит ли у Оленьки спрашивать, знает ли она того, кто на фотографии, или лучше оставить пока все это в тайне.

— Там свои сложности, — вмешалась Оленька. — Я же тебе говорила, мамины родители не слишком обрадовались, когда мама за папу вышла.

— Думаю, все это сейчас неважно, — резюмировала Строгова. — Николай, вы можете с нами больше не скучать.

— Что вы, Анна, мне совсем не скучно. — Еще бы: когда еще доведется побывать на бесплатном цирковом представлении? Наверное, я слишком выразительно посмотрела, потому что Николай добавил: — К тому же я наверняка смогу чем-то помочь.

— Лиза очень застенчивая, вы ее смущаете.

— Это раньше она была застенчивой, — заметил Николай. — А сейчас прямо другой человек.

— Действительно, — чуть нахмурилась Строгова. — Раньше Лиза непременно бы уже убежала и рыдала где-нибудь в коридоре у двери, требуя, чтобы ее немедленно выпустили.

Взгляд, полный подозрения, я сразу отбила фразой:

— Владимир Викентьевич тоже сказал, что у меня изменился характер и что, если бы он не был уверен, что моя аура на месте,

посчитал бы меня другим человеком. — Я чуть повела плечами, показывая, что ничего не могу с этим поделать. — И по нему у меня тоже есть вопросы. Почему он со мной так возится? Мы же не родственники?

— Ой, я как раз это знаю, — обрадовалась Оленька. — Целитель Звягинцев принес клятву жизни твоему дедушке, который его спас. Теперь он волей-неволей обязан о тебе заботиться, потому что иначе клятва

его убьет.

— Ох, — невольно испугалась я. — Так-таки убьет?

— Возможно, не убьет, но жизни не даст, — подтвердил Николай. — С клятвами надо быть поосторожней, особенно когда они подкрепляются магией и призывом к Сварогу.

К Сварогу? Это что-то из пантеона славянских богов? В этот раз я никак не выдала, что для меня все это звучит достаточно странно. Но в раздел «боги» сделала соответствующую пометочку.

— А я думала, что Владимир Викентьевич просто хороший человек.

— И это тоже. Думаю, он о тебе позаботился бы и безо всякой клятвы, — встала на защиту светлого целительского облика Оленька. — Мне кажется, он к твоей маме относился как к дочери, а ты для него была внучкой. Своих детей у него же нет.

— Почему?

Оленька только плечами пожала. В самом деле, вряд ли она настолько близка с Владимиром Викентьевичем, чтобы тот позволял залезать к себе в душу. А причина, по которой целитель не завел семью, наверняка была слишком личной.

— Не отвлекайтесь, мы сейчас решаем, как помочь Лизе, — сурово напомнила Строгова. — А для этого нужно сделать что?

— Что? — удивленно спросила Оленька.

— Выяснить, что она может вспомнить, а что нет, — предложил Николай.

— Именно, — поощрительно кивнула ему Анна.

И было в ее кивке нечто такое исконно женское, что я поневоле подумала, что сейчас она поощряет не столько его умственную деятельность, сколько самого Хомякова, как престижного оборотня, блестящего офицера и владельца современного автомобиля,двигающегося почти как черепаха с моторчиком, конечно, если ее

поставить на ролики. Пожалуй, оленькин брат не нуждался в

сестринском пристраивании: он отлично пристроится сам при желании. Не факт, конечно, что, если он пристроится без оленькиной помощи, это ее порадует: вон как недовольно смотрит на Анну.

Правда, сам Хомяков на поощрение не обратил ни малейшего внимания. И я его прекрасно понимаю: если девушка командует еще до того, как ты пригласил ее в кино, дальше будет только хуже. Зато обратил внимание на меня, спросив, как мне нравится город. Я автоматически ответила, что видела пока очень мало, но то, что видела, мне очень нравится. И лишь только заметив вытаращенные глаза девушек, поняла, что и спрашивал он, и отвечала я на немецком.

— Но вот, — удовлетворенно сказал Николай, — уже можно сказать, что с немецким у Лизы хорошо.

— Особенно, если учесть, что с немецким у Лизы как раз были проблемы, — заметила Оленька.

Дипломатично заметила, потому что Строгова сразу бухнула:

— Проблемы, скажешь тоже. Да она двух слов без ошибки связать не могла, а сейчас вон как бойко болтает, словно практиковалась несколько

лет.

Я чуть было не ответила, что, естественно, практиковалась, потому что у нас были партнеры из Германии, но тут же сообразила, что у нас с мамой никаких партнеров быть не могло, потому что не было никакого предприятия, иначе не вставал бы вопрос, на что мне придется жить. Поэтому рот я не просто закрыла, а крепко сжала, решив подумать на досуге о всплывающих воспоминаниях, которые никак

не могли принадлежать бедной сироте-гимназистке.

— Такое бывает, — неожиданно тихо сказала Тамара. — называется психологический зажим. Знания копились, но не использовались, потому что Лиза боялась неодобрения.

— Если бы она так отвечала, разве неодобрение было бы? — удивилась Оленька.

— У нас одобрение получить не так уж и просто, — возразила Анна.

А Николай ради разнообразия, не иначе, завел разговор на французском. Увы, в этот раз подсознание оказалось ко мне куда менее щедро: и слова подбирались с трудом, и вопросы понимались не сразу. Но главное — понимались. На этом подарки памяти закончились: по

остальным предметам мои знания усиленно стремились к нулю. Разве что по географии временами удавалось попадать в точку, но в названиях стран и их столиц я совершенно неприлично плавала. Но

это хоть не история, где даже нынешний год, 7409 от сотворения мира, мне казался неприлично огромным. Чтобы выучить все, что случилось за это время, нужно иметь голову куда больше, чем у меня есть, иначе все

факты просто не влезут. Невольно я сказала это вслух.

— У нас же помещаются, — рассмеялась Оленька. — Значит, и у тебя поместятся.

— Главное — не лениться, — веско вставила свое слово Строгова. — Что там у нас осталось проверить?

— Магия и танцы, — бойко оттарабанила за меня Оленька. — С магией, Лиза, мы тебе не помощники. Но проверить стоит. Вот хотя бы...

Она огляделась, не иначе как в поисках чего-нибудь лишнего и нуждающегося в немедленном уничтожении.

— Я уже проверила, — испугалась я за целостность хомяковской гостиной. — Я тоже ничего не помню. Владимир Викентьевич мне помогает,

но я пока только книги читаю.

— Тогда танцы, — легко согласилась Оленька. — Ты помнишь, как танцевать?

— Не знаю, не пробовала, — попыталась я отшутиться.

— Сейчас попробуешь, — пообещала Строгова. — Тамара?

Наверное, это был самый большой позор в моей жизни. Худобедно вспомнились лишь движения вальса. Оленька недоумевала, как такое могло случиться, ведь я так любила танцевать. Анна предлагала закрыть глаза и отдаться музыке — мол, тело само вспомнит. Но тело если и вспомнило что-то само, то лишь то, как наступать партнерам на ноги, а это я и без него не забывала. Николай говорил, что я совсем невесомая и ничего страшного не случится, если я еще на нем потопчусь. Но вид при этом он имел настолько выразительный, что я решила — танцев на сегодня достаточно, похоже, им придется обучаться

заново, тем более что занятия все равно оплачены.

— Хуже было бы, забудь ты полностью немецкий, — утешала меня Анна. — А танцы что, можно прекрасно обойтись без них. В конце концов, не в танцах счастье.

По быстрому насмешливому олечкиному взгляду я догадалась, что у Строговой с танцами тоже непростые отношения. Наверное, не столь

непростые, как у меня, но все же...

По итогам проверки можно было сказать, что все не так уж и страшно. Во всяком случае, голова работает нормально, а значит, все, что забыла, можно будет просто выучить заново. И непременно танцы с этими ужасно непривычными названиями: па-де-спань, па-де-катр, краковяк, мазурку, польку — чтобы стереть ехидную усмешку с наглого хомяковского лица. В конце концов, может, все дело в нем и с другим партнером у меня бы все получилось? С тем же Юрием, фамилия которого для меня теперь стала загадкой, требующей немедленного решения.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://author.today/work/90780>